

**маргарита
макарова**

УЗЛЫ НА ПРОСТЫНЕ

Маргарита Макарова

Узлы на простыне. Детектив

«Издательские решения»

Макарова М.

Узлы на простыне. Детектив / М. Макарова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743667-4

Главная героиня очнулась после длительной комы. Новые обстоятельства обрушиваются на неё вместе с загадкой — кто же пытался её убить. Трупы, погони, поиск кладов и разгадка тайн переплетаются с исторической линией Марины Мнишек. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-743667-4

© Макарова М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
ГЛАВА 2	14
ГЛАВА 3	23
ГЛАВА 4	30
ГЛАВА 5	33
ГЛАВА 6	38
ГЛАВА 7	46
ГЛАВА 8	48
ГЛАВА 9	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Узлы на простыне Детектив

Маргарита Макарова

© Маргарита Макарова, 2022

ISBN 978-5-4474-3667-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– Ба, ты с ума сошла?

– Ну хватит, остановись, пока не поздно! – бабушка махнула рукой. Желтый, металлический наперсток соскочил с кончика среднего пальца и покатился мне под ноги. – Понятно до чего у вас дошло! Никуда ты не пойдешь!

Я лихорадочно металась по квартире. Митя позвонил полчаса назад. Он ждал меня на задворках нашего района, у автобусной остановки. Уже должен был ждать...

– Сама хоть немного соображай! – бабушка подошла ко мне. – Где он? – она посмотрела на пол. – Куда он закатился-то?

Я молча подняла дырявый металлический колпачок и со стуком положила его на стол.

– Посмотри, ну где ты собираешься тут поселить ребенка?

Большие, громоздкие очки «для дали» отправились в карман халата. На длинном бабкином носу водрузились другие. Она уставилась на меня, как будто пыталась загипнотизировать. Прямой гоголевский нос с характерной вертолетной площадкой на кончике неприязненно разрезал пространство в мою сторону. Карие, живые глаза, казавшиеся огромными сквозь оптические стекла, всасывали меня со всеми потрохами. Правильно тетка в церкви назвала их бесовскими. Бабушка читала мои мысли. Я не выдерживала ее взгляда. Никогда.

– Я что же, вообще рожать не могу? Тебе можно, вам всем можно, а мне нельзя?

Углы сломанных бровей взлетели вверх.

– Я тебе сказала – делай аборт. Никуда тут детей разводить. У меня это в голове не укладывается.

– Я люблю его, а это тебе понятно?

Я растерянно стояла посреди большой комнаты. Вторая неделя задержки. Как же я могла ошибиться в расчетах? Когда же все это случилось? Как мне сказать об этом Мите? Что он скажет? Нет, не надо в нем сомневаться, он не откажется от меня... Не откажется... Но женится ли?

– Вся твоя любовь в штанах. Если бы не Митька, ты бы ни одни штаны не пропустила. Девки – дуры, за каждой шириной готовы бегать. Тебе только позвонили, а ты уже подмыться в ванну бежишь!

Я с силой ударила ладонью по столу. Старые серые портняжные ножницы-великаны угрожающе вздрогнули, их железные части звякнули друг о друга. Ладонь прищлась как раз на кусочек мела, он больно врезался в кожу, рассыпался, оставив белый след.

– Что ты несешь? Какими штанами?! Чокнулась совсем! Все, хватит, я сама жить хочу! Без твоих советов! Я его с девятого класса знаю! Уже два года встречаемся! Штанами! По себе не суди!

Карие глаза бабки злобно буравили меня из-за очков. Я сжала кулаки. Она отошла от меня молча и села на стол. На нем уже был раскрыт и порезан материал. Этот стол крепко стоял на ногах и принадлежал еще черти какому моему предку. Одну ногу она поставила на старенький, обшарпанный стульчик. Пошарив по вороту халата и нащупав иголку, она послунывила кончик нитки и вытянула руки, пытаясь рассмотреть ушко. Снова и снова она делала медленное движение пальцами с зажатой в них ниткой, но мокрый хвостик капризничал и не хотел проходить металлическую щель, как верблюд в рай.

– На, вдень-ка мне.

– Ба, – я механически взяла иголку и нитку. – Ты что, с ума сошла? – снова повторила я.

Женится – не женится, – да какая разница! Он не откажется от ребенка! Потому что жить не может без меня! Так же, как и я без него. А бабушка... Ну что бабушка... Не повезло ей в жизни... Так же, как и матери моей. Не каждый же человек встречает в жизни свою поло-

винку. Не каждому дано встретить любовь такую, как у меня и Митьки. И я все равно рожу. И не пойду сейчас к врачу. Зачем? Сегодня скажу Мите, а потом будем жить вместе. Пусть тут, с бабушкой, а его квартиру будем сдавать. И я смогу потом доучиться. Я и сейчас смогу еще учиться. Ну пропущу несколько месяцев пока... то да се...

Больше ничего не приходило мне в голову, да и не собиралась я спорить с бабушкой. Митя ждал меня, наверняка, он ждал меня уже, а я все еще была не одета и стояла тут, вместо того, чтобы мчаться с ним по вечернему шоссе, нарядно освещенному желтым светом фонарей. Как же я любила кататься по вечерней Москве!

– Любишь кататься, люби и саночки возить! – раздражающие звуки бабкиного голоса в странном ракурсе отразили мои мысли и болезненно дернули за струны нервных окончаний.

– Ба, я побежала, меня Митька ждет, ну ты чего? С ума сошла? – это уже был третий повтор. Разговор с бабушкой был явно не целью моих размышлений.

– Даже не думай, тебе учиться нужно! Ни специальности, ни работы, ни денег. На что ты собираешься жить?

– У Мити есть квартира.

– На кого ты рассчитываешь? На этого прощелыгу? Да он и не женится на тебе, как только узнает, что ты беременна!

– Не говори глупости! Он любит меня!

– Где тут будет бегать маленький ребенок? Ну где? – она посмотрела на меня поверх очков, потом взяла ткань и положила к себе на колени. Сделала первый стежок.

Наперсток посверкивал у нее на среднем пальце, издавая металлический звук при соприкосновении с иглой. Темная шерстяная ткань свисала на стул и прикрывала пестрые тапочки с протертыми пальцами. Зеленый байковый халат был завязан поясом.

– Ты сказала ему, что ты беременна?

– Нет, не твое дело, чего ты хочешь?! – мой голос сорвался в крик.

Я теряла спокойствие. Мне вообще не очень хотелось идти сегодня куда-то. Я предпочла бы сказать ему обо всем тут, дома. Он звал в кино. Как я скажу ему это в кино? По дороге? В машине? А может быть после фильма? Уже выходя из машины? Бабушка по-своему восприняла мою медлительную нерешительность.

– Я хочу, чтобы ты пошла к врачу. А не надеялась на вертихвоста. Все равно толку не будет.

– Ты хочешь, чтобы я всю жизнь прожила одна?

– Куда тебе рожать, прекрати орать, – она не отрывалась от своего занятия. – Если в голове нет – в жопе не займешь. Ты думаешь, я – вечная?! Я завтра в больницу пойду. Думаешь, я так и буду сидеть и зарабатывать тебе на кавалеров?

– Что ты говоришь? – я опешила. – Каких кавалеров? У меня только один парень и он...

– Да ты же его кормишь, когда он сюда приходит. Ты думаешь, я буду кормить вас обоих? Или троих? Встань на ноги, найди работу, выучись, а потом будешь думать о ребенке, и о том, как взбить чужие белки.

– Какие белки? – я все еще стояла перед бабушкой, не зная, идти, или нет. Может позвонить и отменить? Или позвать его сюда? Тревога тормозила все мои действия.

– А чем вы занимаетесь, когда он приходит? Что даже заявку не подали, а уже яйца взбили.

– Ба, как ты не понимаешь, я люблю его. Да что тебе говорить! Ты только фантики умеешь считать!

Бабушка подняла голову и посмотрела на меня как на прозрачное место.

– И зарабатывать! А ты в них только играешь! В секреты под стёклышками! Ты никуда не пойдешь. Я запрещаю тебе сегодня выходить из дома.

– Ба, я сегодня ему скажу, я должна ему сказать сегодня, ты не понимаешь!

– Что я не понимаю? Ты думаешь, я одна живу, потому что ничего не понимаю?

– А я так жить не хочу! Я не хочу одна растить ребенка, или как мать, не вылезать из чужих коек, сегодня один – завтра другой! Я не хочу, чтобы мой ребенок был безотцовщиной, как я. Вы – две неудачницы, и хотите из меня сделать такую же! Мало вам надо мной издеваться! Вы и так все сделали, чтобы я чувствовала себя невыбранной, а теперь, когда меня любят... когда мне повезло...

– Что ты кобеля нашла, которому сосешь в машине?

Я вздрогнула.

– Что значит невыбранной?

– Это когда тебя никто не любит!

– А как шлюха в машине... это избранность? А выбрали на панели?

– Да ты просто завидуешь, это даже мне видно! Ты завидуешь! – я уже орала во весь голос, не пытаясь сдержать ни слезы, ни обиду, ни слова. – Сами вы не смогли найти мне отца, не смогли найти любовь, вас никто не любил. Потому что вы две злобные вертлявые сучки!

– Я тебе кинокамеру купила в четвертом классе! Все ждала, внучка врачом станет. Лечить меня будет! Любовь она нашла! В больницу надо идти, а она на свиданку! Ты что думаешь – оно само рассосется?!

– Да ничего я не думаю! Сама меня отвела на исторический. А теперь три года проучилась – плохо стало?

– Да что толку от твоей истории? Каждый рассказывает по-своему, – а конец – один.

– Тебе что от меня надо?

– Это моя квартира, и ты сюда больше никого не приведешь!

– Я тоже здесь прописана! – слезы катились по моим щекам, я посмотрела на круг белого циферблата на серой стенке.

– А он тебе в загсе свидание назначил? Небось в машину опять зовет потрахаться! Нашел дуру бесплатную, а ты и рада.

– Заткнись! – я лихорадочно открыла шкаф, что стоял у меня за спиной, и стала вытаскивать плащ. Передумав, я бросила его на диван и потянула белую куртку. В ней меня легче было узнать в темноте. Да и к черным волосам она подходила больше.

– Надо же такое выдумать! Невыбранность! Посмотришь в зеркало! Ты кого хочешь найдешь! Но сама сначала человеком стань!

Зеркало. Я обернулась на большое, на стене, для бабушкиных клиенток. На меня смотрели черные глаза, расширенные от испуга. Красивая ли я? Да, конечно. Волосы, глаза, мягкие губы, точеная фигура, ноги от ушей. Так ведь и Димка был суперста.

– Не пойдешь ты! – сквозь зубы крикнула бабка. Я оглянулась и увидела, как она резко подняла у себя над головой старинные серые огромные ножницы. Они стукнули по стеклян-

ному абажуру люстры, и звон разбитого стекла заглушил ее следующие слова. Не дожидаясь больше ничего, а хорошего тут явно было ждать нечего, я резко дернула свою куртку с вешалки. Рывок был такой сильный, что конструкция в шкафу не выдержала и деревянная палка с треском рухнула. Не оглядываясь, я выбежала из квартиры, с силой хлопнув дверью.

Тут я остановилась. Предчувствие беды замедляло шаги и действия. Чтобы немного успокоиться, я села на ступеньку лестничной клетки.

Я любила Митьку. А кто бы его не любил! Высокий, светловолосый, с голубыми глазами, с тихими нежным голосом и интонациями. Он был похож на красавцев из старых американских фильмов, по которым сходили с ума все героини этих фильмов. И я тоже сходила по Митьке с ума. Только не в кино, а в жизни. Да я все для него сделала бы. Страх заползал мне в сердце. Он застревал где-то между ребер, гулко вызвучивая удары сердца. На минуту я представила себя одну, с ребенком на руках, со старой бабулей, подрабатывающей шитьем на заказ для толстых теток. Я — студентка третьего курса, одна, без заработка, без специальности... с малышом... Тьфу... Это бабушка так говорит... Все это ерунда. Этого я не очень боялась. Точнее, как можно бояться того, что с трудом можешь представить? С голоду что ль помру? Это были наносные, привнесенные страхи, скорее словесные, звучащие голосом оставшимся за дверью, или диктора на телевидении. Мой внутренний ужас был не в этом. Подсознание вместе с сознанием сдавливали мне мозг другой картиной катастрофы. Ситуации, которую я реально не могла представить, а тем более пережить. А вдруг он тоже скажет — на фига нам сейчас маленький? Что тогда? Страх пульсировал, ежился, давил и переворачивался внутри меня. Кого я выберу? Кого выбирать? Кулек неизвестно кого, комочек, что там, внутри меня, часть Митьки и меня. Или Митьку, моего Митьку-красавца, без которого я не могла дышать. Я закрыла глаза. Попыталась представить себя без Митьки. Нет, вру. Возник образ Митьки без меня. Он обнимал другую, трогал ее за талию, касался своими губами ее губ. Дыхание перехватило. Ужас. Я этого не переживу. Страх потерять Митьку заслонял все остальное. Глаза открылись, но та, другая, которую он обнимал только что в моих видениях, продолжала насмешливо улыбаться мне прямо в лицо.

Щелкнул замок, и в светлом проеме показалась маленькая фигура бабушки.

— Ты тут еще? — она посмотрела на меня спокойно, в руке у нее были очки. — Да иди, иди, что же думаешь, я против? Конечно сходи, поговори с ним. Успокойся только. На вот, телефон свой забыла, а он звонил только что, — она достала нарядный, подаренный Митькой мобильник из кармана и протянула мне. — Иди, девочка, иди. Не плачь. Выживем, — она улыбнулась и погладила меня по плечу.

Постояв молча рядом, бабушка вернулась в квартиру, тихонечко прикрыв дверь. Я все еще медлила, сомневаясь идти, или нет сегодня. Может быть отложить все до выходных, чтобы днем спокойно дома все ему рассказать.

Я вышла из подъезда. Медленно, едва переставляя ноги, пошла к автобусной остановке.

— Митенька, Митенька, — вытирая слезы и бормоча имя как заклинание, которое как раз и поможет мне выжить и вытерпеть все это, я перестала сомневаться и думать о чем-то другом. Я двигалась как сомнамбула, не зная ни направления, ни цели. Мысль о Мите, о его прикосновениях, словах, голосе, простом звучании его тембра — это все, что существовало для меня в настоящую минуту. Мозг отключился. Я не могла ни соображать, ни вспоминать, ни планировать, полностью отдавшись ожиданию. Даже предметы я стала различать как-то расплывчато. Может быть это были невысохшие слезы. Главное, что я двигалась наконец на свидание с любимым, что он ждал меня, что я смогу прикоснуться к его рукам и потереться об его щеки. И забыть... Забыть весь этот кошмар... Все как-нибудь устроится, у всех же устраивается, чем я хуже? Все устроится само собой... Как и у всех...

Осень была теплой. Она всегда приходила теменью вечеров и острым ароматом прелых, умирающих листьев. Запах этот успокаивал, как дурман, как листовенная настойка, разлитая

не в стеклянные бутылочки в аптеке, а прямо в воздухе, бесплатно, пользуйся – не хочу, дыши, сколько влезет. Этот лечебный коктейль никто не отмерял капельками, или граммами, не продавал из под полы за бешенные деньги. Он обваливался прямо на людей, как дар, бесценный и неоценимый.

Влажный воздух высушил слезы. Я все еще всхлипывала и сомневалась, но целительные пары умирающей органики и шуршание листьев под ногами сделали свое дело. Вдох полной грудью вернул мне чувство правильности происходящего.

«Сейчас октябрь, – стала считать я про себя. – Сентябрь, октябрь, ноябрь декабрь, январь, – я загибала пальцы на руке, отсчитывая девять месяцев. – Май! Значит май!

Тринадцатый микрорайон Тушино представляет собой изолированный и равноудаленный от всех больших жилых массивов кусок Москвы. Несколько блочных девятиэтажек, пара кирпичных башен, школа, короче – два десятка домов, – все это было со всех сторон окружено... естественными и искусственными пространствами, не пересекаемыми для машин и людей. Раньше этот кусок называли «малой землей». Теперь все без стеснения говорили о нем как о деревне. Речка Сходня и ее заросли усиливали это впечатление. Пространства промышленных предприятий, как поля, или даже леса, заборами и заграждениями придавали оттенок застенок, резервации, некой зоны, на которую простой любопытный, или гуляющий не попрется, в силу удаленности всего этого хозяйства от станции метро и больших улиц. Ближайшая из них называлась «Тупиком», а улицы внутри микрорайона просто номерами проездов, хотя проехать тут было некуда. Кто заезжал сюда через переезд, тот мог выехать отсюда только тем же путем, как Наполеон при отступлении из Москвы. Вообще, место это было историческое, хотя и не музейное. Именно тут, на этом самом холме стоял со своим знаменитым лагерем Тушинский вор в 17 веке. А уж воры умеют выбирать укромные места.

На задворках поселка была автобусная остановка, связывающая это место с цивилизацией. Тут проходила дорога, делая виток и расширяясь для небольшой стоянки машин и придорожного магазинчика. Поселок выходил сюда вслепую, задворками какого-то склада, с кучей голодных собак и неприглядными заборами, сплошь заклеенными объявлениями. Железный мостик, сконструированный молодым Эйфелем русского происхождения, сложно сочетал две канализационные трубы и узкий дощатый настил для людей, спешащих на уходящие автобусы и гулко бегущих над бурлящей внизу Сходней. Плакучие ивы нависали густым кустарником над бурливым аналогом Арагви. Тем более, что грузинские вина текли тут так же бурно, как и грязные потоки этой забытой всеми очистительными сооружениями речки.

Я медленно поднялась по металлическим решетчатым ступенькам мостика. Так же медленно спустилась с другой стороны и только теперь подняла глаза.

На остановке Дмитрия не было. Разочарованно вздохнув, я остановилась, всматриваясь в машины, припарковавшиеся у обочины. Нет, это не его. На остановке бродили какие-то мужики, наверное ехали домой с работы.

Я встала точно под фонарем и достала мобильник. Он загудел прямо у меня в руках. Я улыбнулась.

– Соня, сейчас я буду. Ты уже на месте? – услышала я тембр голоса, от которого у меня кружилась голова. Чуть с хрипотцой, он шуршал в трубке, как будто был рядом, и своим дыханием щекотал мне волосы за ухом.

– Да, я тут.

– Отец задержал.

– Поругался? – я смоделировала свой вариант.

– Акелла! Сейчас упадешь! Я на его машине приеду! Увидишь разницу! А свою загонял в гараж. Жди! Черный бумер, черный бумер... – весело пропел он в трубку и отключился.

Я рассмеялась. Тревожные предчувствия и горечь от разговора с бабушкой легко отступили, сладкое ожидание вытеснило все без сопротивления и остатка.

Стоять на остановке не хотелось. Я крутанулась на каблуке. На перилах мостика сидели школьники, поплеывая прямо себе под ноги. Курили. Мммм..., пожалуй, пойду, а то эти малолетки еще и клеиться начнут. Маленькая палатка – магазинчик всеми своими огоньками и окнами смотрела на мостик и стоянку. Я обошла этот приют последней надежды алкаша и, завернув за угол, вышла прямо к дороге. Тут не было никого, лишь редкие машины проносились мимо, спеша вырваться из замкнутого аппендикса дороги, петляющей среди старых гаражей и брошенных строек. Забор из серых бетонных плит – продукт завода, находящегося тут же, за ними, обрамлял шоссе вместе с узкой полоской тротуара. Оглянувшись назад, я увидела автобус, делающий мягкий поворот и с характерным клацаньем открывающий двери. Остановка была конечной, и желтые светящиеся окна его радостно орали о наличии множества свободных мест и теплом уюте этого временного кусочка закрытого пространства.

– Что же я сейчас скажу ему? – подумала я. – Может мы больше не будем расставаться? Может он сегодня скажет родителям, и я не пойду, не вернусь к бабке. Только вещи забрать.

Я улыбнулась. Подняла руки и провела по волосам. Старательно накрученные еще днем, они красивыми локонами рассыпались по плечам. Уже пора ему появиться. Отвернувшись от автобуса и мужиков, неторопливо загружавшихся в переднюю дверь, я посмотрела туда, откуда должен был приехать он. Черт возьми, на чем же он приедет? У его отца большой джип. Я не помнила какой именно марки джип, но помнила, что большой и черный. Свет фар проезжающих машин выхватывал дорогу, помогая уличным фонарям, на мгновение давая им урок и сматываясь, боясь, что их вот так же привяжут, подвесят и заставят, умирая от скуки, болтаться над одним и тем же местом.

Вдали показались новые огни. Я всматривалась, пытаясь определить марку автомобиля. Нет, это был не джип. Машина мчалась, странно вихляя и рывками меняя скорость. Она то

въезжала прямо на тротуар, то снова возвращалась на шоссе. Наконец как бы решившись, водитель взбесившегося транспорта подравнялся к забору. Он ехал прямо на меня. В какой-то момент я подумала, что стала невидимкой. Но нет, мою белую куртку вряд ли не было видно даже в таком сумрачном месте. Пьяный, – мелькнуло у меня в голове. Но теперь он ехал, не сворачивая, четко сфокусировав на мне линию своего движения. Развернувшись, я бросилась бежать к остановке и магазину, но скорости и расстояние были не равны. В отчаянной попытке ускользнуть я прыгнула в сторону, пытаясь укрыться за одной из тумб забора. К стенке, мрачновато подумалось мне. Я оглянулась и ослепла от света фар... Я прижалась к серому железобетону и закричала... Острая боль... Серое небо осеннего вечера упало как декорация картонного, игрушечного театра.

ГЛАВА 2

Отец звал ее Ариадна. Но она ненавидела это имя. Ариадна к доске, – так вызывали ее в первом классе. До чего же это было смешно! Учительница видимо тащилась от того, что произносила такое длинное имя. А когда она пожаловалась отцу – он не понял.

– Да меня же все дразнят Ниточкой.

– Не болтай глупости! Откуда первачки могут знать об Ариадне!

Но в школу он все же ходил. Кое —кто после этого стал носить ее портфель. Еще бы! У нее был самый крутой мобильник в школе! Даже физкультура стала другой, когда отец поговорил с педагогом. Вот чего она ненавидела – так это волейбол. Ну впрочем, это теперь не важно. Она давно уже называла себя Адой, Аидой, Адкой, а для друзей – всегда была Дной.

Снег падал и падал. Под ногами была мокрая каша. Что за фигня! Зачем она притащилась в эту холодную, промозглую Москву из теплой Италии. Умерла бабушка. Ну и? Никто не поехал. Одна она – свободный человек. А ведь она должна учиться! Все деловые, им некогда. Отец занят, мать занята, сестра – на последнем месяце беременности. Никто не подумал, что она только что вошла в колею.

Бабушка умерла! Да дай бог каждому так пожить! Сто лет в обед!

Ключи были у соседей! Ну сестричка! Могла бы присылать бабке денег. Шкаф, блестящий от лака, советского производства, диванчик полуразвалившийся. Правда квартира была просторная. Трехэтажный кирпичный дом на Фабрициуса, старый, и с высокими потоками, был вполне добротен. Ванная большая, кухня – тоже, но все это было обшарпано, убито и убого.

Урна с прахом вполне поместилась в целлофановый пакет. Дна уныло плелась по лужам. Кроссовки явно не подходили для такой погоды. Еще не дойдя до автобуса, она поняла, что выбрала не ту обувь. Ноги просигналили о мокрых участках на носке и пятке. Дна улыбнулась. А что, наверное смешно она выглядела со стороны: черный зонтик в руке, на черном – то ли снег, то ли дождь, черное полупальто с искусственным мехом, спортивные штаны, зеленая детская шапочка. Слава богу, шапочку догадалась купить.

Снег впережку с водой топил ноги не спрашивая, а лишь уведомляя характерным прищавкиванием.

Как ни странно – автобусы – не самолеты – в такую погоду все же ходили. Ехали по старой Волоколамке. Истра. Этот подмосковный городок был местечковым раем. Речка – о чем еще могли мечтать дачники. Автобус был почти пуст. Да и странно было бы ожидать наплыва путешественников в такую хмарь. Дна уселась в середине автобуса и внимательно уставилась в окно. А что, ведь она не была тут уже... эээ... почти двадцать лет. За окном мелькнула Москва-река. Во, понастроили. А говорят, что жилья в Москве не хватает. Красногорск уже почти слился с Москвой.

Город кончился... Серые, вросшие в землю избы – хоть сейчас в сувенирную обертку... Вполне в духе прошлого... или нет... даже позапрошлого века.

Дна поступила на факультет химии. Она считала, что только точные науки имеют право на существование. Ее отец владел строительным бизнесом. Ее мать руководила крупной дизайнерской фирмой. У нее в гараже, дома стоял целый парк автомобилей. Но эта убогая картинка за окном, эти серые избы с трубами, полуразвалившимися, кирпичными, с вросшими в землю окнами, с покосившимися заборами бесила ее, выводила ее из себя, как хорошего хозяина – растяпа управляющий. Наверное такие избы были еще при Екатерине. Вот убожества! Ну почему бы им не купить обогреватели и не греться электричеством! Тупой народ!

Было холодно. Дна посмотрела на окно. Так и есть – узкая щель проявилась мокрым провалом для ветра и снега. Дна задвинула стекло. Автобус устрашающе мчался, почти нигде

не останавливаясь и никого не подбирая по дороге. Временами даже становилось жутковато – как он скользит по такому маслу из снега и воды.

Час отделял Истру от Москвы. Недалеко. Повезло, что бабка была родом отсюда. А то пришлось бы с этим пеплом таскаться черти куда. Привокзальная площадь была лимитирована шлагбаумом. Чудеса. Несколько автобусов стояли рядом с кассами. Ага, вот и такси. Однако нужно облегчиться. Выпитый с утра кофе не даст спокойно найти могилу.

Ох уж эти бабки. Их сентиментальность просто убивала. Ну не совестно ли старому человеку проситься на кладбище к мамочке? В ту деревню, где выросла и... Но раз хочет – пусть хочет.

Туалет был тут же, рядом с автобусными кассами. Вот, теперь можно и к таксистам. Кладбище на Истре... Так, рядом с Манихино. Легко было матери рассуждать там, дома, в Италии. А... ну, впрочем, Митрофанушка же не заблудился... Она посмеялась. Теперь, видимо очередь Ариадны.

Мужики кивнули на первую машину. Зеленая ауди вмещала в себя бледного, даже желтого мужика, с любопытством уставившегося на загорелую толстушку при слове кладбище.

– Какое кладбище?

– Деревенское. На речке прямо должно стоять. На Истре. Там еще церквушка должна быть видна.

– Хэй! Миш, где тут кладбище?

К окошку подошел краснолицый здоровяк.

– Ну да... тут недалеко. У железной дороги. Найдешь... туда вон, – он махнул рукой в сторону.

– Ну ладно, поехали.

Машина плавно тронулась с места, и стало даже как будто тепло.

– Вы знаете кладбище на Истре. Мне мать сказала, там поворот с Волоколамки. И потом вдоль речки.

– Да не волнуйтесь, найдем.

– Ну как! У меня урна, а вы говорите... что ж я с ней ночевать должна? Я думаю, нужно вот здесь свернуть, видите, к Истре.

Дна тыкала в мобильник, а шофер даже не смотрел на нее.

– Так не найдем же!

– Так не бывает!

Машина свернула с Волоколамки и уверенно пошла вниз, к югу.

– Смотрите, какая свалка! – зеленоватый шофер кивнул головой направо. – Горы!

Там прямо на берегу Истры высилась и правда гора. Величина кургана напоминала египетские пирамиды. Это было явно захоронение не простого смертного.

– А говорят, тут элитные поселки, – Дна удивленно посмотрела на свалку. Там стояли грузовики и... опорожнялись.

– Уж запретили – а все равно сваливают.

Проехали деревню.

– Вот тут, смотрите, поворот, вдоль реки, вдоль Истры нужно будет ехать.

– Куда? Налево?

– Вот смотрите, – Дна даже подскочила. – Вот указатели. Купола и кресты! Это кладбище!

Машина послушно повернула налево. Узкая асфальтовая дорога разрезала заросли кустарников. Справа тянулась Истра. Вода темнела среди белого снега и зеленой травы. Странная осень в Москве.

– Вон оно! – снова закричала Дна.

Слева в отдалении тянулся редкий прозрачный лес. Что-то пестрело и мельтешило в его прозрачности.

– Я туда и не проеду.

– Ну тут подождите!

К лесу вела грунтовая дорога, заваленная снегом. Непонятно было, развезло ли ее под тающим снегом, или она сохранила еще осеннюю твердость. Дна не задумываясь ступила на снег и не провалилась. Пять минут, и она оказалась среди могил.

– У вас хорошо получилось! – услышала она голос таксиста. Машина тихонечко ехала за ней. Вот идиот, подумала Ада, по мокрятине в кроссовках перла.

– Ну и ну, – лишь произнесла она, бросив взгляд на ухмыляющегося таксиста. Ноги уже ничего не чувствовали.

Здесь не было богатых памятников, да и кладбище было небольшое. Черные и серебристые оградки стояли вперемежку, в беспорядке, иногда впритык, не имея проходов. Мокрые ветки кустарников и деревьев поблескивали растаявшим и капавшим снегом. Да и лесом эти заросли можно было назвать с натяжкой – сплошные кусты. То тут, то там, на склизких зеленовато-коричневых прутьях, как елочные украшения, развешанные заботливой рукой декоратора, желтели засохшие и скрюченные листья. Сквозь белые, мокрые клочья снега зелела травка. Рядом, среди кустов, мешаясь с могилами и травой, валялись сброшенные венки и мусор. За некоторыми оградками стояли скамейки и столики для уютных бесед с восставшими покойниками и обедов в теплой дружественной обстановке с потусторонним миром.

Она чуть не наступила на чью-то могилу. Черт возьми, где же прабабка? Что там мать говорила-то? Пирамидка должна стоять... Серебряная. Надеюсь, подумала Ариадна, хоть имя на ней будет. И тут она остановилась. Прямо на нее смотрели знакомые глаза. Черт возьми! Дна совсем забыла, что тетка умерла! Значит, здесь. Ну да, вот и пирамидка. Даже оградка есть. Черная.

Девушка оглянулась. Эх, черт, надо было цветочков что ль прикупить. На зелено-снежных могилах все еще пестрели выпцветшие могильные атрибуты.

– Ну что, вы нашли, что искали? – голос шофера прозвучал неожиданно живо.

Дна тряхнула каштановыми волосами. Шапка осталась в такси. Она вытащила из пакета урну и просто открыла ее. Без эффектных движений высыпала на снег и траву бабушкин прах. Так, а урну-то куда? Не тащить же ее с собой в Москву. Ладно, оставляю тут.

Ариадна нагнулась к пирамидке. Тут тоже было изображение. Ничего себе! А прабабка-то как похожа. Мы с ней как две капли воды! Дна посмотрела на дату. 1937 год. Что может остаться от человека, зарытого в землю в прошлом веке? Надо же! В сорок лет умерла! Хотя! Точно! Мать вечно рассказывала, что она пережила уже свою бабу. Ну ладно, пора двигать отсюда ноги. Мокрые. А то лягу рядом, без перерыва на обед.

Дна подошла к ждавшему ее таксисту.

– А что, это очень старое кладбище?

– Да я вообще не знал об этом кладбище! Столько времени вожу в эту деревню, а о кладбище даже не знал. Самопальное.

– А вот этого друга я знал! Работали вместе! – зеленоватый кивнул на свежую могилу.

– Ну вот, вам повезло, он уже умер, а вы даже не знаете, где кладбище!

Машина тронулась, мягко отступая от странного места.

А прабабка-то как на меня похожа. Эта мысль вертелась в голове у Ариадны. Она не знала, что должно за этим следовать, но так просто оставлять этот факт без внимания она не хотела. С этим нужно было что-то делать!

Опять привокзальная площадь. Нет... На такси домой не поеду. Жирно ему будет. Автобус нам милее. Да и денег отец дал в обрез. Думает — сорвусь опять. Дна подошла к кассам.

– Один до Тушинской.

– Вам на что?

– Что? – не поняла итальянка вопроса.

– Вам билет – на автобус? – кассирша вопросительно и серьезно смотрела в крохотное окошечко, как в амбразуру танка.

– На самолет! И ковровую дорожку к трапу. Что ж такое—то! – раздражение от мокрых, чавкающих ног вырывалось наружу вместе с нервным смешком.

Кассирша опустила глаза.

– Нет, ну правда, у вас тут что, и на самолет билет можно взять? – Ада оперлась на приступочку перед окошком.

– Ну может вы думаете, что на поезд тут билеты продаются.

Уф... Еще оправдываются. Деревня. Что они могут знать о жизни. Сидят тут, ничего не видят, не понимают, и других за то же держат.

Всю дорогу она думала о прабабке и своей схожести с ней. «Самопальное кладбище» – вспомнила она слова таксиста. Какое странное слово. Самопальное, что это вообще значит? Стихийное? Ничейное! То есть кладбище ничейное. Что хочешь, то и делай! Ариадна ярко представила себе, как у нее на антикварном столике рядом с компьютером будет лежать склеенный, пожелтевший череп.

– Это мой череп! – она произнесла это вслух, улыбаясь, представив, как будут ржать друзья. Ребята, что сидели впереди, с удивлением посмотрели на нее.

Оставалось дело за немногим: Нужно найти, кто выкопает череп!

Москва встретила ее теменью. Она шла дворами к старому дому с убогим, грязным подъездом. Деревянная дверь наверное помнила еще ее детство. Она, правда, не жила тут никогда, но в гости к бабушке ходила. Давно... В другой жизни... Четырехугольник двора был пустынен. Пара фонарей не скрывала убожества подворотни. Желтый свет из притушенных двойными тряпками окон усиливал впечатление нереальности и призрачности улицы.

На углу, в проулке между домами, стояла группа подростков. Они курили. Самый невысокий из них, беленький, с коротко стриженными волосами, перебирал струны простенькой гитарки, тихим скрипучим голосом пришепetyвал слова чужого шлягера. Бутылка водки шла по кругу. Вместе с пивом.

– Что, водка без пива – деньги на ветер?

– Говори чего надо, не ветри тут, – послышался развязный хохоток.

– Дети, мне нужно покопать в одном месте. Кое-что выкопать. Завтра утром... я жду вас тут же, под этим фонарем с лопатами.

– Чего? – грубоватый голос прозвучал в этот раз резко.

– Кто эта шалава? – вторил ему второй. Пара плевков приземлилась на и так мокрые кроссовки Ады.

– Тебе что, тетка, идти некуда? Ускорение придать? Иди откуда шла!

– Да вы не поняли, мальчики, я вам заработать предлагаю! Мне нужно череп выкопать. Тут недалеко. Завтра утром. Поехали?

Гурьба весело заржала.

– Сисястая мочалка, ты откуда упала, соска? Иди, защеканка, работай... солнце еще высоко!

– В жизни не видела таких идиотов. Им деньги предлагаешь... – девушка презрительно прищурилась.

– Слышь, эта та, что из Италии бабку хоронить приехала, – высокий, в сером капюшоне снова сплюнул. Сигарета полетела в мокрый снег. Он взял бутылку и хлебнул из горла.

– Ну ты, – рыкнул он в лицо Аде, пахнув только что выпитым алкоголем. – Ты свое свиное рыло заебень в мясорубку, соска.

– Сами вы – соски. От горлышка отойти не можете. Жопы поднять, чтоб деньгу сшибить! С бабулей своих все стрижете на пиво себе. Что, на девок небось не хватает? Тусуетесь тут, пидоры. В зад у бабушки.

Ада была расстроена. Она замерзла и думала уже только о теплой ванне, но тут же мысленно чертыхнулась – у бабки была газовая колонка, ее еще нужно было зажечь, к тому же в доме был пустой холодильник. Ерунда, завтра найду кому лопату сунуть, подумала она.

– ****ец... ты из какой тундры выползла, ты, абрачка...

Ада уже повернулась и сделал шаг к своему подъезду. Парень в капюшоне схватил ее за рукав. Девушка скривилась и раскрыла было рот, чтобы сказать ему все, что она о нем думает. И тут удар кулаком свалил ее с ног. Она рухнула прямо в склизкое месиво, под ноги

подросткам. Удар ботинком в бок отозвался по печени. Ада охнула. Попыталась встать. Новый удар кулаком уложил ее снова. На мгновение она ослепла. Кровавый туман липкой волной перекрыл возможность видеть. Толчки и тычки обрушились на плечи, живот, голову. Она попыталась закричать, но висок встретился с кулаком, и эта встреча окончательно прервала процесс постижения действительности...

Сознание вернулось так же, как и ушло – без разрешения и без анонса. Ада открыла глаза – и все, что она увидела – было обмотанное проводами тело, лежащее рядом.

– Черт, это же больница, – ее слова лишними звуками повисли в воздухе белой палаты. Голова болела так, как будто ее напихали головешками, надули, наполнили водой, и она вот-вот лопнет, если не от воды, то от огня.

А где мой отец? Ада посмотрела вокруг. Ни мобильного, ни сумочки – рядом ничего не было.

– Хэй! Тут что, морг, или больница? – вопрос остался без ответа. – Хэй!!!!!!!!!!!! Да кто-нибудь! Я пить хочу.

Звук собственного голоса крошил внутренности головы. Девушка поморщилась от боли и дотронулась до своих рыжих волос.

Она приподнялась на локте, пытаясь рассмотреть соседа по комнате. Тут, похоже, было все намного серьезней. Датчики, аппаратура, – проводки тянулись к неподвижному телу. Зеленые кривые бойко скакали по черным экранам.

Почему отец еще не приехал? Он что – не знает, что дочка в больнице? Вообще, он должен убить этих подонков! Почему она до сих пор валяется тут одна?

Злость и раздражение заставили Аду подняться и встать. Хватит тут загорать.

Тапочек не было. Видимо тут и не предполагалось, что люди могут ходить. Судя по соседу, это было не в местных традициях.

Как безногих замуровали.

Она пошла к выходу, шлепая босыми ступнями по пластиковому полу. На ходу еще раз посмотрела на бесчувственную мумию с датчиками. Да уж, кроме пляшущих человечков на экране, ничто не говорило, что тело чем-то одухотворено. Хм, а она-то тут сколько провалялась? Что это, кстати, реанимация?

Ада выскочила из палаты со скоростью мультяшного персонажа. Коридор был небольшой. С одной стороны короткий обрубок заканчивался стеклянной запертой дверью. Что за черт.

В другом конце не было ничего, что предложило бы перспективу дальнейшего продолжения поисков. Там было лишь окно. Погода не интересовала девушку, она даже не посмотрела – какой это был этаж. Боковые двери все были заперты. Значит, выхода на лестницу тоже нет. А где же тут врачи?

Ноги замерзли. Так, нужно зайти в палату и завернуться в простыню.

Ариадна вернулась. Она дернула ткань с кровати. Подушка потянулась за полотном и мягко шлепнулась на пол. Этого не ожидал штатив, на котором висела бутылочка капельницы, регламентно отмеривающая время для подключенного к датчикам организма. Держатель покачнувшись и, стукнувшись о кровать с неподвижной целью бегущих по прозрачным трубкам жидкостью, медленно пополз на пол. Но неспешный темп падения не спас целостность стеклянного сосуда. Звякнув и стукнув, капсула с лекарством оказалась на полу. Звуковой поток на этом не закончился. Металлический штатив с характерным звоном соприкоснулся со стеклом и разбил его.

Ада сделала резкое движение, пытаясь поддержать рухнувшее равновесие структуры. Но... Она неловко дернула за проводки датчиков, и экран компьютера тоже стал падать. Стремительное развитие бурной деятельности напомнило о причине собственного больничного

пребывания. Боль оскалилась в избитом недавно теле. Девушка замерла, не в силах остановить оползень аппаратуры.

– Да что тут происходит? Что за хуйня? – в дверях стоял молодой парень в белом халате и улыбался.

– Сам такой, – Ада обернулась и сделала шаг в сторону своей кровати. И тут же вскрикнула. Осколок стекла попал под голую пятку.

– Вот черт, у вас тут что, тапочки не положены?

– Ха! Ты бы еще и гроб попросила.

– Ты что? Это ж не морг.

– А с чувством юмора у тебя неважно.

– А это было чувство?

– А что же?

– Да явно не разум.

Ада запрыгала к кровати на одной ноге.

– Принеси хоть бинт, я не знаю. Ты посмотри, какой порез, – она плюхнулась к себе на матрас и подняла ногу. Не раздумывая, девушка приложила сдернутую простыню к кровавой пятке.

– Ты чего стоишь? Тут больница, иль притон для коматозников?

– Это юмор? – отозвался парень, даже не подумав куда-то уйти.

Он подошел к мумии на соседнем шезлонге. Осколки захрустели у него под ногами.

– Ты все порушила. Ты что тут тренировки проводила по ксюнь фунь?

– Это юмор?

Неожиданный звук остановил их перепалку. Они оба посмотрели в одну точку.

– Ты слышала?

– Что?

– Ммммм, – губы мумии продолжали быть сжатыми. Это были не слова. Это было мычание.

– Она мычит, – парень наклонился над кроватью.

– Она? Ну и что? Давно пора! Чего тут валяться-то. Либо в ящик, либо уж... хотя мычание жизнью не назовешь.

– Да замолчи ты! Она тут три года лежит без всяких признаков жизни.

– Не думала, что ты такой старый!

– Я тут полгода. Но я, представь, умею слышать.

– Ладно, принеси мне тапочки и телефон.

– Мммм, – звук повторился, теперь не было никаких сомнений, что это была не случайность.

– Ты слышишь меня? Сондра! Ты слышишь меня? – парень положил ладонь на лоб оживавшей девушки. – Ты можешь глаза открыть? Открой глаза!

– Слушай, ты что, серьезно это говоришь? Разве может человек столько времени лежать?

– Она глаза открывает. Смотри!

Ада забралась с ногами на свою кровать.

– Ну что там? – она тоже вглядывалась в лицо, по которому невозможно было сказать – мальчик это, или девочка. – Слышь, а побрили-то ее наголо зачем?

Веки дернулись и поднялись. Глаза преломили световой лучик и отразили зеленый его спектр.

– Поднимите мне веки, я ничего не вижу, – прорычала Ада с соседней кровати. – Вий пришел.

– Как ты? Ты меня слышишь?

– А ты кто вообще тут? – девушка и не думала замолкать, проникшись величием события. – Тут врачи-то бывают? Иль одинокий недоросль присматривает за всей больницей?

– А с чего ты вообще решила, что это больница?

– В жопу... Принеси мне телефон, я тебя прошу.

– Только не закрывай глаза, – парень взял очнувшуюся за руку. – Попробуй что-то сказать.

– Ну хватит в самом деле. Я с ней поговорю, а ты иди, зови врачей и санитарку. У вас тут уборщицы есть? И от головы ...мне тоже... Гляди как меня плющит, я ничего не вижу, мало понимаю и сильно трясусь... Обострение какое-то.

– Что, башка не варит? Давай ее на газ, на хер, поставим, и закипит, как миленькая...

– Я тут вместо вас всех, считай, девку на ноги поставила... Работала... А мне работать совершенно нельзя. Я словно вяну, когда приношу пользу. Без денег...

– Деньги – это не польза, это дурная привычка.

– Деньги – это вообще зло... Кофе неси. А то я потею и дышу часто. Сейчас еще ногти грызть начну и заговорю сама с собой.

– Поговори лучше с ней.

– Хорошо, только принеси что прошу. А кем ты тут пашешь?

– Я – хирург, – парень пошел к двери.

- Хирург? Да хватит уже врать—то, тебе и 20 нет.
- Кличут меня «хирург». Ну если хочешь – медбрат Петя.
- Петенька, и тапочки мне принеси, хорошо?
- Петя взялся за ручку двери.
- Ну ладно, а «хирург» -то почему?
- Да ребята в мед училище прозвали. Я жратву скальпелем резать люблю, – он улыбнулся и вышел в коридор.
- Ммммм, – раздалось ему вслед.

ГЛАВА 3

Больше оставаться в больнице я не могла. Петька – «хирург» вез меня домой, попросив «залетную» скорую помощь завезти меня по домашнему адресу.

Неделя в больнице так и не позволила мне понять, почему я оказалась одна. В последнее время, по словам врачей, никто ко мне не приходил. Даже телефон ни разу не зазвонил для того, чтобы узнать, в каком из миров находится Сондра Андреевна Волкова. Моё возвращение не стало информационной бомбой для внешнего мира, не проявившим интереса к моему внезапному воскрешению. Вновь обретенное сознание не нарушило ничьих планов, не врезалось радостным событием в чужие жизни. Конечно это чудо, что я провалялась там три года. Для современного человека – этот срок – вечность. Но... У меня была бабушка, у меня был любимый парень, у меня была подруга... однокурсники, наконец.

В больнице я так и не смогла дозвониться ни домой, ни Мите... Впрочем, я не очень и стремилась сделать это. Приеду, разберусь. Я упорно училась заново вставать, ходить, держать ложку. Мышцы атрофировались, язык заплетался, ноги не держали даже то тело, которое осталось, я с трудом передвигала немногие килограммы, которые чуть прикрывали чистый вес костей.

Я не могла представить Димку в роли сиделки около ходящего под себя наголо обритого трупа неопределенного пола. Поэтому даже в мыслях не пыталась упрекнуть его в том, что он не рядом, что не его голос я слышала первым.

Я вернусь домой, приведу себя в порядок, и тут же позвоню ему. Нет, я просто приеду и позвоню. Как он там? За три года он должен был закончить институт. Я пыталась не думать о девушках. Ну вряд ли... Даже если он сейчас и встречается с кем-то... Нет, лучше даже не думать об этом... Все равно это несерьезно, потому что есть я, а я – его любовь на всю жизнь, он сам мне об этом говорил.

Митька, Дима, Дмитрий, Митек, Митяйка, – сколько ласковых имен я могла дать своему любимому. Как по – разному я могла назвать его и я была уверена в этом, я буду называть его и придумаю еще кучу новых. Мы придумаем. Вместе. Я закрыла глаза...

– Жмурик, приехали, – Петя толкнул меня под локоть. – Бери свою клюшку, ковыляем к выходу.

Машина остановилась прямо у подъезда. Петр обхватил меня за талию, я взяла трость. С трудом мы выбрались из машины.

– Я же говорил тебе – побудь еще месячишко в больнице, – проворчал «хирург». – Ну что ты делать будешь тут? Даже если и с бабушкой?

– Петь, помолчи, а? Не надоело трепать языком. Помоги мне лучше.

Оказавшись на земле перед подъездом, я подняла голову. Сделала я это медленно, с трудом, тело не слушалось меня, оно было ватным, чужим. Грязные окна кухни и маленькой комнаты уныло серели пылевым налетом на пятом этаже. Мелкий, осенний дождь не мог смыть осевшую воздушную взвесь.

– Ты уверен, что я лежала три года в вашей больнице? Октябрь. Надо же. Как будто вчера я вышла из этого подъезда.

– Пошли, – обхватил меня опять «хирург». – Чего мокнуть-то под дождем.

– А я люблю дождик.

– Ты просто неделю никуда не выходила.

– Ты сказал три года.

– Ты училась в школе-то? Вроде большая девочка, – он потащил меня по ступенькам. – Ты разве не знаешь, что время относительно?

– И время относительно? Я думала только скорость, – с трудом передвигаясь на непослушных ногах, одной рукой опираясь на костыль, другой – что есть силы удерживая руку Пети, я поднималась все выше и выше. Ступенек в нашем подъезде было много.

– Всё. Лифт. Взлетаем.

На звонок в дверь нам никто не ответил. Не слышно было ни шевеления, ни оханья, ни бормотанья. Ничего. Полная тишина.

– Послушай, давай соседям позвоним?

И он нажал на кнопку соседского звонка. Я устало опустила на ступеньку.

– Нужно было Днуху вызвать. Ты бы видела, на какой она шикарной машине уехала, – «хирург» продолжал вдавливать все по очереди кнопки звонков на этаже.

– Кто? – глухо послышалось за дверью, напротив.

– Это я, ваша соседка Сондра.

Последовало молчание...

– Я же тебе говорила, у меня все соседи – сумасшедшие.

Дверь все-таки открылась. Я встала.

– Это ты, Сондрочка? – показалась маленькая щупленькая женщина с круглыми глазами и седыми волосами.

– А где бабушка?

– Давно тебя не видела, ты с работы?

– Бабушку вы давно не видели?

– Сондрочка, ты бы на работу зонтик с собой брала, посмотри, как ты вымокла. А чего ты звонишь-то?

– Вы бабушку давно не видели? – крик «хирурга» подкастировал по всему подъезду.

– Здравствуйте, здравствуйте, что, Сондра, это что? Слесарь? Опять вентиляцию проверяют?

– Ну что я говорила? А ты мне – больница.

– Надо дверь ломать.

– Вот-вот, ты у нее еще отмычку спроси, – я снова опустила на ступеньку и стала считать квадратики кафельного пола.

– Ладно, ты сиди здесь, а я пробегу по всем соседям, там я видел мужика в окне, когда заходили. На первом. Сейчас возьмем у него топорик, погоди.

Он вихрем унесся вниз, не дожидаясь лифта. Послышался лай соседской собаки. Я и не знала, что у нас внизу жила собака.

– Ну что у вас тут? – Петька нарисовался в лифте вместе с низкорослым соседом с первого этажа. Лысый, улыбчивый мужик сверкнул смеющимися глазами в мою сторону. В руках у соседа был целый ящик инструментов.

– Да сейчас откроем. Ключи значит потеряли. Не проблема. Сейчас все будет хоккей. Эээ... да тут замок – каши просит. Сами что ль делали?

– Бабушка меняла, когда я ключ потеряла.

Мужик подковырнул замок, и тот выпал наружу.

– Ничего себе. Как же вы жили? Да тут прям дырка для обозрения. А дверь не открывается... Странно...

– Ничего странного, – я подошла к нему и встала рядом. – Можно я попробую, там щеколда, может рукой достану.

Он отступил, и я не удержалась. Прежде чем попытаться пальцами дотянуться до щеколды, я заглянула в отверстие. Зеркало на дверце шкафа в коридоре отражало бабушкину комнату. На диване сидела бабушка. На мгновение я зажмурила глаза, мне показалось, что я чокнулась, или снова потеряла сознание. Это была бабушка и не бабушка. Зеленый халат не оставлял сомнений, что это она. Ни у кого в мире не было такого – она сама себе его сшила.

Но лицо над знакомым халатом было черным. Нет, там, где была голова... нет, не так... Там, где должно было быть лицо, было черное пятно. Немного вглядевшись, я поняла, что вместо глаз, – черные провалы, такие же, как и вместо щек. Руки, сложенные на коленях, были черные, на них сохранилась кожа, просто изменила свой цвет.

Несколько минут я разглядывала все это, не понимая, что это такое, даже не пытаясь дать объяснение, просто смотрела и все.

– Ну что там?

Мужик подцепил дверь топором, и она распахнулась. Послышался звук падающих на пол предметов.

– Там... Бабушка, – наконец смогла произнести я и вошла в коридор.

– Ну и запах, – Петька помахал рукой. – Ну что такое?

Он подхватил меня за талию и подтолкнул вперед.

– Не надо, там бабушка!

– Да заходи же ты, какая бабушка?

Повинуясь его толчкам, я сделала еще несколько шагов вперед. В зеркале уже ничего не было. Наверное у меня что-то нарушено. После такой длительной комы.

– Ну я пойду, – послышалось с лестницы, и двери лифта закрылись за соседом.

– Мне показалось, подожди, – я решительно как могла быстро вошла в комнату. На кресле обмяк зеленый халат. Руки так и остались лежать на коленях, но головы уже не было. Черный череп, местами обтянутый кожей, местами черневший провалами, лежал перед креслом. Седые волосы, облепившие его, заставляли думать об этом нелепом предмете, как о бабушке.

– Ба! – почему-то крикнула я, как будто она ждала, когда же мы откроем дверь, чтобы ответить наконец на наши звонки и голос.

– Ты чего? – Петр попытался заглянуть мне через плечо.

Ее зеленый халат был все так же утыкан иголками, из которых на грудь ей свисали разноцветные нитки. На безымянном пальце все еще сложенных на коленях черных рук, был надет все тот же дырявый металлический наперсток.

– Что это? – тут и «хирург» увидел то, с чего не сводила глаз я. Он рванулся к обезглавленному телу, и оно мягко, но быстро потеряло свою форму.

– Позвоночник рассыпался, – механическим серым тоном пробормотал Петр.

Тишина застыла пылью в застоявшемся воздухе.

– Ну все. Приехали, – первым пришел в себя «хирург». – Разворачивай оглобли, поехали в больницу.

Я все так же стояла, опираясь на палку.

– Ба, – прошептала я про себя, не веря, что опять не получу ответа.

И тут только до меня дошло, что произошло.

– Нужно позвонить в милицию.

Я заковыляла на кухню. Набрала номер и сообщила о том, что увидела. После этого обессилено плюхнулась на стул.

– Ну как ты? – «хирург» суеился вокруг меня, как будто я была его бабушкой.

– Отлично! Окна открой.

Вот сегодня вечером я вышла к Митьке. Нет, прошло несколько дней. Ну да, неделя больницы, вернулась. Дома... А бабушки нет. Даже тела...

Временной провал.

– Значит у вас тут мумия? – в коридоре показался невысокий, щуплый, довольно молодой человек с очками на носу. Круглая черная оправа делала обладателя этих очков персонажем из ретро фильмов 30-х годов. Черный свитер свисал с него мешком и нитки распотрошенного шва висели на боку странными аксельбантами.

– Там, – я подняла трость.

- Я следователь Потапенко Сергей Леонидович.
- Там, – снова повторила я и снова подняла трость.
- Идите сюда. Тут тело.
- А вы уже опознали тело? – Потапенко громко воззвал ко мне, как будто сразу догадался, что Петр не имеет к этой квартире никакого отношения.
- Я поднялась и медленно обернулась к страшной картине.
- Как так получилось, что тело тут столько пролежало?
- А сколько оно пролежало?
- Потапенко удивленно поднял на меня свои глаза целинника-энтузиаста.
- А сколько вас тут не было?
- А вы нашли того, кто сбил меня?
- А вас сбили?
- А этим даже никто не занимался?
- Черт возьми, с вами каши не сварить! Эксперты сейчас подъедут. Вы хоть что-то можете толком сказать?
- Я Сондра Андреевна Волкова.
- Умилительно! Вот и поговорили.
- Три года назад меня сбила машина тут, на остановке. А вы именно здесь следы убийцы найти собираетесь?
- Вскрывать-то не будем. Вряд ли ее убили. Сами понимаете, – задвижка была. Внутренняя.
- Может быть я тоже сама под машину кинулась? Прямо у забора?
- Да помню, помню я ваше дело. Отлично помню! Оно закрыто и сдано в архив, но я помню. А вы что, можете что-то рассказать? Вы знаете, кто вас сбил? Так вы что, ну да... я помню... вы были в коме... А потом?
- Он требовательно смотрел на меня. Его глазки комсомольца упрекали меня в одинокой смерти моей бабки.
- А теперь я хочу выяснить, кто это сделал!
- Что – это? – не понял Потапенко.
- Она три года в коме провалялась, – Петя подошел ко мне.
- И что? Сейчас даже не знали, куда ехали? Думали, тут пусто? А ключи ваши где? – покоритель целинных пахотных земель был оптимистом.
- Ты чего гонишь-то? – вступился снова Петр. – Сам подумай, какое у девушки настроение будет, когда она в пустой дом вернулась. Даже и бабка умерла...
- А ключей при мне не было, может мне в милицию заявление подать? – отчеканила я.
- Да что вы мне какой-то детский лепет сопливите, – следователь даже сел, но тут же вскочил, испуганно обернулся – не повредил ли он останки. – А почему бы вам про бабушку в больнице было не узнать? Почему она к вам три года не приходила?
- Так она же в коме... – растерянно повторил «хирург».
- Ну ведь в себя пришла не сегодня, – не сдавался очкарик.
- Я стояла в бабушкиной комнате и смотрела на оставленную на столе разрезанную ткань и большие портновские ножницы. Как же так? Реализованный киношный фантастический триллер.
- Я не смогла мать найти. Понимаете, она постоянно мужей меняла. Работала на скорой. И как раз сейчас в отпуске.
- Что же, вышла из комы, и тут же домой? Так не бывает... С месяц ее держали бы в больнице.
- Да она и так нам надоела, – попытался шутить мой сопровождающий. – Я ей говорил... Неделию как... Так нет, еще и ходит не сама, а домой поехала.

– И что, за неделю про бабушку не узнала?

– Ну а как? Она звонила домой – никого...

Разговор шел без меня и как будто не обо мне. Почему меня исключили из этой беседы, возможно делали скидку, что я не совсем еще пришла в себя.

– А у врачей она спрашивала, кто к ней приходил? Элементарный вопрос... никто... звонит домой – не отвечают... звонит соседям, друзьям.

– Ну мало ли. Бабушка могла в больнице тоже быть.

– Какие-то вы бесхарактерные оба. Не знал, что молодежь теперь такая. Ну а любимый? Ага... мать в отпуске... бабушка в больнице... соседи на даче... друзья в отъезде...

– Ну соседские телефоны кто ж знает? Естественно, соседям не стала звонить – просто – как?

– Ага... при чем все знают, что она в коме... и никто не звонит, не интересуется ее состоянием... город сволочей короче...

Я посмотрела на следователя с удивлением. Он читал мои мысли, хотя и выдавал их за свои. Но выдавал их со знаком минус. Он считал это невозможным, проблемным и ставил знак вопроса после каждого утверждения. Хотя и я не торопилась отбросить сомнения во все это. Но ведь все умереть, как моя бабушка не могли. Вот так сразу. Рассыпаться.

– И что, вот она сейчас приехала, а ты-то кто? – внезапно заданный вопрос рассмешил «хирурга».

– Я – медбрат из больницы.

– Давай сначала. Ну врачи конечно пытались связаться с родственниками – а бабушка умерла – телефон молчит. За время адаптации в больнице она что – ни разу никому не позвонила? Не попросила врачей найти родственников и подруг?

– Но дом же молчал.

– А мать не сообщила на работе свой сотовый?

– У меня сестра на скорой тоже работает. Там не говорят в отпуске свой сотовый.

– Подруги? Были у нее подруги? Одноклассники... однокурсники... просто друзья... не в вакууме она же жила...

– Три года в коме... вы что... человека максимум на год хватает... сочувствие проявлять... и то – скорее любопытство...

В дверях появились люди. Они засуетились над останками. Я вышла в свою комнату, подошла к зеркалу. Ну и ну. Худая, высохшая. Короткий ежик темных волос смешно топорщился надо лбом. Я лизнула ладонь и попробовала пригладить волосы. Они снова вздыбились вверх.

– Ничего, знаешь, какие волосы у тебя теперь отрастут! – Петр вошел вслед за мной. – Тебе нужно было Днухе позвонить. Ты бы видела, какой крутой за ней отец приехал! Послушай, а у тебя ведь и денег нет? А может тебе лучше в больнице еще недельку?

Он тарахтел, не замолкая. Моя комната выглядела совсем печально. Пыль на письменном столе, книги... Они стояли на полу стопками-горками, я точно помнила – я писала курсовую, я их так и оставляла. Герцен, Соловьев, Гегель, история философии 19 века, Аксаков, Киреевские, Самарин, славянофилы... Библия, история древнего мира, Вавилон, Византия... Я пнула ногой одну из горок. Она рухнула, веером разложив печатную продукцию на полу. Странно, ковер был свернут, и лежал у стены.

– Конечно, я что – должна всю жизнь в этой больнице провести?

– Да ты так не огорчайся. Нужно восстанавливать силы. Мускулы...

– Уууу, какой у вас шикарный письменный стол. Вы не продаете его? – странный вопрос исходил от появившегося вновь Потапенко. Он заглядывал мне через плечо.

Я оглянулась на свою комнату. Посредине, боком к окну стоял арабский инкрустированный мебельный экземпляр. Бронзовые ручки и кружевное литье уголков рождало сомнение в принадлежности данной вещи этому месту. Бабушка баловала меня.

– А книги кто читал? – Потапенко стал вдруг излучать жизнелюбие. – Но, по-любому, этот запах цивилизации нужно проветрить.

– Книги – разве это не признак разума?

– Конечно нет, – вмешался «хирург». – Канализация – вот культура.

– Ну, Петь, ты еще что-нибудь новенькое скажи.

– За одну секунду с поверхности спирта испаряется два молекулярных слоя.

Оцепенение уходило, Петр был добрым парнем. Потапенко поправил очки.

– А спирт какой? Технический, или медицинский?

Серый свет конца октября тоскливо серебрил комнату, делая ее призрачной и нежилой. Впрочем, при чем здесь осень? Это так и было.

– Тебя ведь машина сбила? – Потапенко по-хозяйски уселся на мой диван.

Странное начало разговора. Я отлично помнила тот злополучный вечер. Но там было полно народа, неужели никто не видел машину? Значит... она так и не остановилась?

– И что? Странно было бы, если бы наоборот...

– А кто тебя сбил?

– А те люди, что там стояли, полная автобусная остановка... – они... что – их тоже сбили?

– Ну было темно...

– Отлично, а я глаза закрыла.

– В смысле?

– В том плане...

– Что чуть копыта не откинула... – Петр рассмеялся.

– Это что – черный юмор?

– Ага, воскрешение и смерть – всегда вызывает странные эмоции.

– Почему?

– А вам никогда не хотелось смеяться при виде трупа?

– Ммм, – Потапенко с интересом посмотрел на «хирурга». – И часто вы так веселитесь?

– Да каждый день! Я-то уже привык!

– Значит машина так и не остановилась? – я посмотрела на отражения в очках маленького следователя. Не хотелось смотреть дальше блестящей поверхности стекол. Не было сил. Я решила сосредоточиться на отблесках стекол.

– А ты бы хотела, чтобы он представился и поклонился?

– Да, то есть нет, – три года назад мы ничего не нашли. И дело было передано в архив, как я уже и говорил. Поскольку вы ожили, может вы вспомните какие-то уточняющие, или проясняющие обстоятельства, которые нам были неизвестны, но вы...

– Нет, я видела только свет фар.

– Может хотя бы марка машины?

Я помотала головой.

– Цвет?

– А что, это сейчас что-то изменит?

– Вы были на проезжей части дороги? Вы же тогда ждали парня этого... Дмитрия. Может вы вышли на дорогу?

Я вздрогнула и опять замотала головой.

– Вы не были пьяны?

– Послушайте, мне и так горестно, а вы тут какую-то чушь мелете. Не можете ничего выяснить – убирайтесь!

– Блииин... – Петр не знал, куда бы ему сесть и ходил из угла в угол. – А почему-горестно-то? Вот люди! Я не пойму... тебя давно не было дома... соскучилась... боль почти прошла... ты должна радоваться, что вернулась, и на радостях уборку затеять и т. д.

– Петь, я так и сделаю... Вот только нога плохо меня слушается...

– Потому что сама никого не слушаешься...

– Я должна всю оставшуюся жизнь теперь в этой палате пролежать? Уколов что ль мало? Ты посмотри – у меня на шее дыра до сих пор не зажила.

– А тут что? Бабка умерла... Ты еле— еле в квартиру попала.

– Я ...я хочу... Дома и стены помогают. Петь, я же не...

– Нога пройдет, не бойся, в этом даже шарм есть... некий...

Молодые люди казалось совсем забыли о Потапенко, и о рассыпавшемся трупe бабушки.

– Бабушка ваша пролежала тут три года. Эксперт сказал.

– Зачем вы мне это говорите?

– Ну вы-то молчите.

– Я ничего не знаю и ничего не могу сказать. Машина была красная, обычная, наша.

– У вас были знакомые с красной машиной?

– Нет.

Потапенко поднялся. Я тоже встала с кресла. Петр дал мне палку. Где он ее раздобыл, не знаю, но палка была отличная, чуть подмороженное дерево, немного тронутое резцом, и бронзовая ручка.

– Ладно, что я могу сказать – как во всех фильмах говорят полицейские – вот вам моя карточка, что вспомните, звоните. Тело можно будет скоро забрать для похорон.

– А я пойду сбегать в магазин. Что за дела...

– А дома ничего не пропало? – Потапенко вдруг вспомнил традиционный вопрос. – Хотя, зачем я вас спрашиваю.

Петр хлопнул дверью. Потапенко ушел последним. Я осталась одна. Как долго я мечтала об этом моменте. Подошла к телефону. Значит никто... три года... никто ко мне не приходил... Итого: что я имею на сегодняшний день? А надо ли звонить? И так все ясно. Нужно ли? Что выяснять? Сказать, что так не любят? погоди, погоди, ты же ничего не выяснила, а набрасываешься на парня. Надо позвонить. И что? Не мог он жениться. Мы столько вместе были.

Я подняла трубку. Наверное, все же знать лучше. Чем просто вот так стоять с затаенной обидой.

Два последних дня я повторяла его номер про себя в больнице. Гудки гулко прозвучали прямо, казалось, у меня за ребрами. Сердце стучало, резонируя в висках. Ответил женский голос.

– Алле.

– Дмитрия можно?

– А кто его спрашивает?

Мгновенное желание бросить трубку дернуло руку вниз, к аппарату. Да, но рука меня не послушалась. Пальцы продолжали судорожно сжимать трубку, которая стала источником моего приговора.

– Сондра Волкова, – произнесла я. Вернее пошевелила губами.

– Кто? – интонации вопроса и голос показались мне знакомыми.

– Волкова, – что есть силы крикнула я в трубку. – Настя, ведь это ты?

– Я, – ответила моя ближайшая подруга.

ГЛАВА 4

Марина ходила по лагерю, прикрывая лицо платком. Но ее все равно узнавали.

– Царица наша, ты посмотри, не твой ли я царевич Димитрий? – казачий смех громогласно звучал ей в лицо.

– Да как ты смеешь! Я царица! Вы мне дважды присягали!

– Да что ты ей лицо показываешь, ты ей другое покажи! Разве ж она своего мужа по лицу узнала!

Новый взрыв смеха раздался уже ей вслед.

– Ты развяжи, развяжи порты-то, покажи, может она и тебя признает!

На костре жарился целый поросенок.

Импровизированная улица из притащенных сюда волоком крестьянских изб была полна кусков мяса, отрезанных, но не сваренных и не сжаренных. Они гнили прямо тут, под ногами, среди обглоданных костей и экскрементов. Награблено было столько, что обитатели Тушинского лагеря не успевали съесть все это. Куски печени, органы животных валялись и тут, и там, и на дороге, создавая своеобразный запах. Вонь от разложившегося мяса, остатков еды и простых помоев смешивалась с запахами человеческого дерьма, наваленного повсюду, без соблюдения отведенных мест и их закрытости. Это уже был не просто запах Москвы. «Москвой запахло», – сказал Афанасий Власьев, когда все только начиналось, и они только приближались к городу, где ждал ее Дмитрий.

В Тушинском лагере стоял запах ада. Ароматы кишашего червями мяса, сгнивших остатков, запах от только что зажаренных кусков, подгоревших и опаленных, смешивались с запахом выбросов человеческого тела, вернее, множества человеческих тел, блевотиной перебравших медовухи и беспрерывно бражничающих казаков, и поляков, жрущих и пьющих мужских особей.

Молодая женщина передернула плечами. Как смели ее, настоящую польскую аристократку, которой сами же дважды присягали, которую сами признали царицей, как они, эти черные холопы смели оскорблять! Да как вообще у них язык, их грязный вонючий язык мог дотрагиваться до ее чистого имени!

«Кого Бог осветит, тот будет несомненно и по праву сиять, – Марина шла в свою избу, стараясь не слышать воплей, несущихся ей вслед. – Не потому солнце не ясно, что его иногда закрывают черные тучи».

– Вельможная панночка! Московская царица! Не сядет, не посидит, не выпьет, – это уже издевались свои. – Загордилась совсем.

Марина вздрогнула. Послышался скрип хлипкой двери. Воспоминания сменились реалом. Надежды и ожидания – пустотой и подготовкой к смерти. Что было лучше? Двадцать пять лет жизни закончились одиночеством и ненавистью. Казалось даже стены тут, потемневшие стены этого монастыря, излучают ненависть к иностранке, к чужеродному языку и привычкам.

Ивановский монастырь стал ее последним убежищем. Нет. Не так. Пристанищем для ее тела. Души почти не осталось. Почти...

Она сидела на скамье, чуть прикрытой соломой. Серое домотканое полотно свисало на каменный серый пол. Она забралась на скамью с ногами, подобрав их под себя по-турецки. Деревянный, необтесанный стол был придвинут к скамье. Она опустила на руки голову. Спутанными клочьями свисали волосы без платка, без шапки. Ей было все равно.

Не было сил шевельнуться и посмотреть, почему скрипнула дверь. Может сегодня настанет и ее очередь. Марина вздохнула. Поскорее бы все кончилось. На мгновение слезы ско-

пились под веками и вытекли на щеки, щекоча спустились по носу и капнули теплой влагой на серую деревяшку стола. Она промокнула нос рукавом и подняла голову.

В комнату вошла монахиня. Черная, выцветшая, почти коричневая хламида, черный клобук. В руках у нее был ломоть черного хлеба. Глиняная кружка. Вода.

Высокое окно все было завалено снегом. Но снег не спасал. Ветер завывал как дикий зверь, дуя в щели и проносясь по комнате, наталкиваясь на длинные щели в двери и радостно выдувая запах горелых лучин.

– Можно мне бумаги?

Монахиня остановилась на полушаге. Звук голоса был непривычен в этой комнате. Она медленно обернулась.

– Можно мне бумаги? Можно мне бумаги? – почему-то повторила свою просьбу Марина. – Я хочу исповедаться.

Монахиня молча отвернулась и пошла к выходу.

– Бумаги дайте мне. Вы же христиане. Вы не можете допустить, чтобы я умерла без исповеди. Я хочу очистить душу.

– Собаке – собачья смерть. А когда ты за собой толпы нехристей вела? Ты не хотела очистить душу? Или души у тебя не было тогда?

– Да Бог с вами. Как вы можете так говорить!

Лицо монахини было сморщенным пергаментом. На нем тоже можно было бы писать, мелькнуло в заторможенном горем мозгу Мнишек. Если разгладить.

– Кто устроил тут побоище? Мой муж погиб! Мой сын погиб! Это все ты, нечестивая ведьма! Ты навела своих неверных псов на землю нашу! И одежда у тебя похотливая. Мразь ты!

– Мой сын тоже погиб. Мой муж тоже погиб, – прошептала Марина. Слезы покатались по щекам, уже ничто не могло их сдержать. – Мой ребенок... Ванечка...

– Сдохнешь, как собака. Закопаем тебя в помоях!

– Я ничего не сделала, я ничего не сделала вам, я ехала... отец привез меня...

– Нечисть! Ты источник смуты, ты источник зла! Из-за тебя все!

– А сын мой? Ванечка что сделал?

Дверь хлопнула. Послышался звук запираемой задвижки. Металл скрежетнул и снова все стихло.

Марина закрыла глаза, слезы бежали по грязным щекам. Страшная картина снова заполонила мозг. Маленький мальчик. Сыночек ее, сердце ее, кровинушка ее. Четыре года только и порастила она его, побаловала его, миленького. Они несут его с непокрытой головой. Несут его в метель, снег бьет его по лицу, по глазам. «Куда вы несете меня?» Да, он спрашивал их, наверняка он спрашивал их – куда вы несете меня? Он был смысленный мальчик. Они успокаивали его, пока не принесли, как овечку на заклание к виселице.

Марина глотнула воздуха. Дышать было невозможно. Она сама чувствовала эту веревку, веревку, что стянула шею ее малыша.

Они повесили несчастного мальчика, как вора на толстой веревке, сплетенной из мочал. А дитяtko был мал и лeгok. Марина стала раскачиваться на скамье, прижимая руки к груди, как будто она до сих пор прижимала к себе маленькое тельце сына. Вeрeвкa была толстой претолстой. И узeл нeльзя было хорошeнькo зaтянуть. Шeя была тонкая, детская, белая, нежная. Они оставили его, они оставили его полуживого умирать на виселице. Умирать дальше от холода, в ужасе и страданиях.

– Аааааааааааа!! – заорала она, не в силах выдержать мелькания страшных картин мучений маленького сына. – Закончите мою пытку!!!!!! Убейте меня!!

Да что это я, оборвала себя польская панночка. Мой сын умер. Мой муж умер. Что может еще причинить мне боль? Ничего.

ГЛАВА 5

Александр подъехал к даче, любимому когда-то в детстве месту летних тусовок. Нужно было еще раз осмотреть все, что осталось тут от предков. Они с сестрой хотели продать за зиму этот участок, которым уже давно никто не занимался. Въехав в узкий проулок, он остановился у сетчатого соседского забора. Горка мокрых дров и полусгнившие козла перегораживали путь, сужая линию, и не давая проехать его машине. Он чертыхнулся. Вылезать раньше времени в октябрьскую грязь, мочить и пачкать ботинки и джинсы ему было неприятно. Медленно, осторожно, почти касаясь дребезжащего забора, машина проехала между ветхими ограждениями двух соседей. И тут его ожидало новое препятствие. Куча свежесброшенного золотистого песка возвышалась безапелляционно, не оставляя права на сомнения в том, что там, за нею возможен другой, тайный вход в иное измерение.

– Что творится! – вслух сказал Александр. – Сестра могла бы хотя бы раз в год сюда приезжать!

За песком была калитка на их участок. Когда-то была. Теперь это был свободный, необилечиваемый никем, расчищенный от любых и всяческих ограждений вход в его детство. Александр вздохнул и с сожалением вступил в чуть примятую осенними дождями и увяданием траву запущенного и заросшего куса болота, который когда-то благоухал розовыми кустами и ароматной земляникой на чисто прополотых грядках.

Копать тут было некому, следить за всем этим хозяйством – незачем. Незамысловатый, построенный дядькой домик покосился, часть стены упала, дверь скособочилась набок. Замок валялся рядом, как выразительное кинематографическое средство для обозначения запущенности и брошенности, ненужности и элиминации.

Александр сплюнул и открыл дверь, резко рванув ее на себя. Тут же, не предупреждая и без паузы, на него вывалилась вторая рамочная дверь, обитая когда-то сеткой, и служившая во времена расцвета и благоденствия этого дачного места защитой от комаров и мух.

– Пададь, – опять громко выругался парень. – Ну что Настюха не могла сама сюда приехать? Какого черта мне тут искать надо?

Высокий, широкий в плечах, он с трудом протиснулся в искореженный и скособоченный проем. Великан осмотрел два ржавых керогаза, все еще распространявших запах нефтепродукта по терраске. Выцветшая клеенка все так же лежала куском детства на столе, каким-то чудом удерживающим равновесие на трех ножках. То, что когда-то было четвертой, валялось рядом, сгнившее и подмоченное. Колченогие стулья. Часть пола провалилась. Александр ногой пихнул дверь в комнату. Кровать, рваные и сгнившие одеяла, шкаф, каких тысячи давно лежат на городских свалках. Тряпки, рваные и грязные, потерявшие цвет и форму. Крыша текла. В нижнем углу – сквозная дыра, пропустившая травку в этот потерявшийся во времени дом.

Сколько можно будет получить за этот участок? Не важно, лучше живые деньги, чем счета из правления и угрозы отключить электричество. Он щелкнул выключателем. Вот хрень. Отключили-таки.

Мутное окно не пропускало уже серого цвета осени. Часть стекла была выбита. Труба от буржуйки выходила прямо в дыру, теряясь обломившимся концом в парак дождя.

– Не печку же ей привезти. Что вообще она хочет? Тут нет ничего, чтобы стоило забрать, или даже потрогать.

Александр сплюнул на ржавую буржуйку. Вышел снова на террасу. Открыл ящики комода. Груды мышиного помета дрогнули во внутренностях емкости, черным наростом покрывая ее содержимое.

– Обжились. Мышиного дерьма что ль ей на память о детстве взять? Здесь даже игрушек наших не осталось.

Он нагнулся и надавил на ножку стула. Она треснула, и в его руках оказалась обшарпанная, чуть изогнутая, палка. Запустив эту палку в недра ящика, он помешал там мышиные смеси. Кусочки старых газет, бумажки, вата, куски тряпок были измельчены и источали непередаваемый запах, который вряд ли подлежал выветриванию, проветриванию, или какому-то другому уничтожению. Этот запах, подумал Александр, исчезнет только вместе с этим местом, не иначе.

На дне ящика показалась посуда. Не посуда, вернее, а ложки, вилки, несколько ножииков и открывашек. Погнутые ручки их прилипали к пальцам. Ну и гадость. Так, все это не жалко продавать вместе с этим полусгнившим сараюшкой и участком земли. На самом дне ящика лежала полустертая ложка. Ее вес заметно отличался от алюминиевой посуды. Она была тяжелой. Это явно было серебро. Обсосанное со всех сторон. Это сколько же надо лопатить серебром, чтобы от ложки осталась половина. Виктор положил ее в карман крутки.

Он вышел наконец из дома. Накрапывал дождик. Двухэтажный дом новых соседей не вызывал у него положительных эмоций. Мягонько живут, подумал он про себя. Почему у меня ничего нет, а они уже второй дом построили? Он быстрыми шагами пересек свой участок, продираясь сквозь высокую траву, которая уже не считалась с отведенными ей местами обитания, а росла, и теперь уже отмирала осенним сушняком повсюду, без культурных конкурентов и воюющих на стороне счастливицков тяпок, лопат, граблей и газонокосилок.

В глубине сада стоял крохотный сарай. Часть его уже упала, оставив оконную раму висеть на единственной петле и сделав из нее декорацию к необыкновенной пьесе, разыгрывающейся прямо тут, среди дождей и зарослей. Крыша нелепыми остатками прогнившего рубероида прикрывала все, что было и рухнуло справа от все еще стоявшей части. Виктор направился туда. Дверь диагональным полотнищем прикрывала темную пасть развалины. В кривую щель хлестал дождь.

Он рывком оторвал дверь. Хранить тут уже было нечего. Раз решено расстаться с землей, то что могло быть ценного в руинах этого сарая? Он заглянул внутрь. Все пространство было забито старым хламом. Железная кровать стояла у противоположной стены. Металл блеснул

некрашеной поверхностью и поманил эксклюзивностью. Нет, на фигу нам металлическая кровать. Ни мне, ни Насте она не нужна. Ржавая сетка от нее стояла отдельно и расставляла своим видом все точки над «и». Громоздкий шкаф, облупившийся, с покосившимися дверями и треснувшим лаком стоял прямо тут, у дверного отверстия, мешая пенетрации в эту нору. С крыши текло. Весь угол был завален чем-то мокрым, расплывшимся и не поддающимся определению его прежнего вида и назначения.

Справа, сквозь мутную пелену на него посмотрело его лицо. На разъехавшихся ножках, в коричневой раме резного дерева светлело зеркало. Черные трещины пронизали паутиной его отражающее покрытие. Выглядело оно мутновато, и при всем желании, в нем практически невозможно было разглядеть свое лицо в деталях. Так, общий образ. Но рама и тумба под ним выглядели роскошно.

– Как раритетно, – вслух проговорил великан. – Со скидкой на тот образ жизни, какой вел этот антиквариат последнее время. Но вид вполне подходящий.

Резная тумба-комод, ящички с красивыми ручками, резные бока и ножки, резные блямбочки и трюмбочки по бокам, – возможно все это требовало нового покрытия лаком.

– Отличная штука, – сказал Виктор. – Нужно взять. Если Настька не возьмет, я себе оставлю.

Он аккуратно взялся за бока комода и попытался достать его из сарая. Развернувшись, он немного нагнулся, чтобы видеть, куда наступить. Проем двери не предполагал сохранности ступенек и крыльца. Тут же под ногами валялись кирпичи, которые когда-то были столбиками, удерживающими всю конструкцию над землей. Едва перешагнув через россыпь кирпичей, он потерял носу. Столик рассыпался в его руках, как неумело связанные дрова.

– Вот черт, – Виктор добавил словцо покрепче. – Ничего тут не уцелело. Сплошное гнилье.

Он пнул ногой столешницу. Она перевернулась и, отделившись от ножек показала нелакированную поверхность изнанки.

– Ладно. Зеркало хоть возьму.

Четыре резные ножки душещипательно лежали на жухлой траве, превратившись в обычные дрова.

– Нет, так нельзя. Ну может отреставрировать, склеить. Я не знаю.

Александр нагнулся и собрал ножки в кучку, потом подобрал столешницу и осторожно приподнял ее. Верх оторвался и занял прежнее положение в траве. В руках у него остались лишь дно и ящички комода.

– А это что такое?

К оборотной стороне панели был прикреплен лист бумаги. Вид у него был очень старый. Большие пальцы великана осторожно дотронулись до внезапно возникшего нового артефакта. Бывший боксер побоялся в этот раз взять древность в руки, а лишь прикоснулся кончиками пальцев, слегка ощупывая, и опасаясь, что это нечто тоже рассыплется и исчезнет. Бумага была плотной и желтой. Двумя параллельными планками лист крепился к оборотной поверхности стола.

– Ничего себе. Комод с секретом.

Аккуратно вытянув бумагу, он перевернул ее другой стороной. Перед ним была карта. Все это было явно сделано и нарисовано не вчера. Да и то что тут было написано – прочитать было невозможно. Это был какой-то древний текст. Как в старых рукописных книгах. Старославянские буквы причудливо переплетались и шифровали все, что должны были объяснять. Александр вряд ли смог бы прочитать это сам. Да и карта была незнакома. Черная линия то ли дороги, то ли реки, извивалась и петляла вдоль обозначенных деревушек. Но взгляд мгновенно притягивал только один знак на этой карте. Именно от него Александр не мог отвести глаз. Толстый черный крест, нарисованный совсем рядом с черной линией, был обведен в круг.

– Клад!

Не оглянувшись на рассыпавшийся комод и уставившееся в небо зеркало, он энергично зашагал сквозь заросли бурьяна.

ГЛАВА 6

Дима достал ключи. Настя конечно была дома, он видел свет в окне кухни. Но звонить в дверь, ждать, когда она откроет, будить возможно спящего маленького Игорька и потом слушать упреки жены, ему не хотелось. Он просто повернул ключ в замке и вошел.

Игорешка плакал. Странно, что за дверью он этого не услышал. Настя не вышла к нему навстречу. Шум воды был слышен из ванной.

– Она что же его одного оставила? И не слышит, что орет.

Он пробурчал это себе под нос, сбросил ботинки и в одних носках пошел в комнату к малышу. Игорь сидел прямо на полу перед разбросанными кубиками. Похоже он плакал просто так, от того, что остался один, что никто не мелькал рядом, не играл с ним.

– Ты чего, мужик, плачешь? На вот тебе, – Дима присел перед ним и затряс сверкающей машиной.

– Амалам, – опустил на минуту свои кулачки от глаз малыш. Он застыл, разглядывая мелькание огоньков.

– Ну вот, другое дело, а мама где?

Воспользовавшись звуковой паузой, Дмитрий вернулся в коридор и заглянул туда, где все лилась и лилась вода.

Настя сидела на краю ванны и казалось ничего не слышала.

– Настен, ты чего? С ума сошла? Игоряшу бросила. Он там оборался.

Настя подняла глаза и посмотрела на появившегося в дверях мужа. Она качнула головой, и узел на затылке распался. Темные волосы рассыпались по плечам. Белые пряди высветленных блондинистых волос вдруг стали похожими на седину. Лицо было заревано. Глаза красные.

– Ты что совсем сдурела? Блин, ты бы еще заперлась тут от ребенка. Чего он орет-то? Может жрать хочет, как я?

Настя дернулась, края шелкового голубого халата распахнулись, обнажая худые, острые колени.

– Сонька вернулась, – чуть слышно сказала она.

– Чего? Кто? Какая... – Дима замолчал.

– Твоя Сонька. Что, опять к ней побежишь? Иль за малышом присмотришь?

– Да что ты болтаешь! Совсем чокнулась тут от ревности. Я как собака сразу домой бегу.

- Собака? А мне муж нужен! Который меня любит!
- Повтори, что ты сейчас сказала.
- Когда?
- Вот что ты перед этим сказала?
- Беги, беги, Сонька твоя вернулась.
- Как вернулась? Да ты-то откуда знаешь? – Дмитрий схватил Настю за руку.
- Пусти, мне больно.
- Ты можешь ответить по-человечески, или...
- Да позвонила она сюда...
- Как позвонила? Сама позвонила?
- Господь бог позвонил! Совсем что ль тронулся? Да, да! Говорю же, позвонила сюда и тебя спрашивала!
- А ты что сказала? Ты что ей сказала?

– Что ты женат, что у тебя сын. Что сынишке уже полтора годика! Что ты нас любишь! Чтобы она сюда больше не звонила!

– Ты врешь!

– Какая разница! Все врут! Но это ничего не меняет, потому что никто никого не слушает! А в чем я соврала? Что у тебя сын? Или в том, что ты нас любишь?

Громкий плач малыша уже давно сопровождал их разговор. Но никто из них даже не подумал пойти в комнату. Голоса уже превысили звуковой барьер обычного разговора, и все это напоминало обычную ссору.

Дмитрий развернулся и пошел к двери.

– Да ничего я ей не сказала! Она трубку бросила как только услышала мой голос!

Настя вышла из ванны.

– Куда собрался?

Ноги скользнули в ботинки. Дмитрий взялся за ручку двери.

– Куда собрался? – халат не хотел запахиваться.

– Я сейчас приду, – рука дернулась от прикосновения жены.

Дверь хлопнула, но вновь открывшийся замок повторил этот звук. Он не стал оборачиваться. Он чувствовал, как Настя смотрит ему вслед.

Они жили на первом этаже блочной девятиэтажки. Родители уступили им свою старую квартиру, а сами уехали в Строгино. Оттуда им было удобнее и быстрее ездить в фирму. К тому же по выходным часто приезжал дядька, брат отца, производитель всеобщей закуски к пиву, чтобы обсудить счета и планы по производству чипсов.

Оказавшись на улице, Дмитрий достал пачку сигарет. Курить не хотелось. От недавнего крика и волнения пересохло в горле. Ладони наоборот стали влажными. Стоять перед подъездом было нелепо. Настя могла выскочить на улицу, мало ли что ей придет в голову. Ранний осенний вечер быстро превратил день в ночь. Дмитрий медленно пошел к дому Сондры. Она жила тут же рядом, через дом. Угол ее дома можно было видеть, стоя рядом с его подъездом. Люди шли с работы, нагруженные сумками, авоськами, заботами. Машины уверенно проносились мимо в угрожающей близости к устало возвращающимся домой.

Две минуты ходьбы – вот и окно Сондры. В квартире горел свет. Во всех комнатах сразу. Дмитрий сел на лавочку у соседнего подъезда. Теперь он закурил. Как так получилось, что он три года даже не смотрел на это окно. Не вспоминал. Конечно он ездил обычно на машине, но все равно. Он даже в мыслях никогда не испытывал желания остановиться и посмотреть на окна Сони, Соньки, своего волчонка, нежного зверька, Акелы, с которым у него было все в первый раз.

Мысли возвращались к тому вечеру, когда она ушла из его жизни. Ушла не совсем и не сразу. Нет, он приезжал к ней в больницу. С Настей. Ее подружкой. Вместе. Несколько раз. Несколько месяцев. Пока Настя не призналась ему в любви. И все отступило как прошлое, не оставившее документальных свидетельств. Дмитрий снова поднял голову – в окне мелькнула фигура. Нужно подняться, поговорить.

Он вспомнил, как тогда еще издали увидел белую куртку Сони, мелькнувшую впереди. Как раз под фонарем какой-то парень затаскивал ее в машину. Машина резко рванула с места. Засомневавшись на мгновение, Дмитрий завернул к остановке. Сондры не было. Тут происходило что-то необычное.

– Он ее сбил! Догони его! – какой-то мужик давал ему четкие указания.

– Кто?

– Девушку в белой куртке. Он сбил ее. Я милицию вызвал.

Дмитрий больше не стал спрашивать. С места рванул, нажав на газ до отказа, и с угрожающим звуком развернул машину. Это Сондра, – только пульсировало у него в голове. Это была Сондра. Он мчался, даже не думая куда и как поворачивать. Мысль, что он едет не туда, не тот

поворот выбрал, не догонит и не найдет, не вкручивалась в его мозг. Он летел и летел, поглощая пространство. Догнал он его быстро. Почти сразу. Несмотря на задержку и остановки. Белая куртка высвечивалась на переднем сидении. Плечо свисало с кресла, прислонившись к стеклу. Он стукнул сзади своим внедорожником, и беглец сделал движение влево к встречной полосе, пытаясь уйти от него. Внезапно все изменилось. Он резко ударил по тормозам. Дверца преследуемой машины распахнулась и прямо ему под колеса полетела девушка. Сондра. Тот, кто только что ускользал, пытаясь увести объект своего нападения подальше с места происшествия, теперь просто выбросил свою жертву. Дмитрий выскочил из машины и кинулся к нелепо сжавшемуся на мокром асфальте телу. Левое колесо его машины нависало над Сондрой, почти соприкасаясь с ней. В том, что это была Сондра, он не сомневался. Черные смоляные волосы упругими, блестящими прядями накрыли лицо. Кровь уже пропитала белизну куртки.

– Сонька, что с тобой? Сонька, скажи, ты живая, Сонька...

Дмитрий присел перед девушкой на корточки, дотронулся до руки, открыл ее лицо, поднял за плечи. Закрытые глаза были залиты кровью. Он отпрянул, отпустив ту, с которой только что надеялся поехать в кино. Безжизненное тело упало снова на асфальт, не издав не звука. Просто мягко плюхнулось в успевшую уже натечь кровь.

Эта страшная картина кровавого лица любимой девушки в желтом свете фонаря так отчетливо наплывала из прошлого, что Дима встал. Какой-то странный звук, то ли стон, то ли усмешка сорвался с губ. Он дотронулся до подбородка, потом опустил руки и вытер мокрые ладони о джинсы.

– Ну хватит уже, – сказал он сам себе.

– Что, Дмитрий, воскресла твоя Галатея?

Дмитрий вздрогнул. Он и не заметил, что сидел рядом с грязным алкашом. Тот нагло улыбался, шуря свои бесцветные, посоловевшие глаза. В руке у него была пластиковая бутылка пива. Седая, серая щетина обметала лицо, делая его похожим на снежного человека. Только сейчас парень почувствовал запах, исходящий от соседа по лавочке.

– Тебе что за дело. О чем ты?

– Плохо тебя мама воспитала. Со старшими на «ты» не говорят!

– Мама запрещала мне разговаривать с неизвестными, поэтому уравнивания приходилось решать молча, – шаг вперед к Сонькиному подъезду не давался, и чем дальше он находился тут, тем невозможнее он казался.

– Что, стресс? Так вот они и жили, спали врозь, а дети были, – продолжал свое старик. – Что не растерялся, хвалю, надо же было жениться, не сидеть же тебе в девках у трупа три года. Пусть всё как у всех. Да? Природа – мать. На вот плотни пива, а то у тебя сердце такой радости не выдержит. И придется тебе на руку бежать ссать.

– На руку ссать? А зачем ссут на руку?

– Все замечательно, – невольно шевельнулся старик и придвинулся к Дмитрию поближе. – Жизнь бьет ключом, иногда по голове. А пузырьки пива бьют в башку!

Дмитрий обернулся на трепача.

– Ценная информация – записываю.

– Открываю вторую бутылку пива. Будешь? На, первому дам хлебнуть. Бери, а то нещадно вылью себе в пасть, – дед дотронулся до рукава парня.

– Нещадно по отношению к бутылке? – нервные пальцы рассыпали новую сигарету на ботинки.

– Да нет же, ты не улавливаешь, по отношению к собственному организму. Эх, молодежь! Хорошо иметь умный желудок, разумную печень и мыслящую поджелудочную железу. А мои органы не мыслят, а только пытаются выжить.

Дмитрий уже не слушал, он сделал свой шаг и теперь поднимался по ступенькам подъезда Сондры.

– Ну вот и молодец, – пробормотал ему вслед старик.

Звонок в дверь почему-то не стал для меня неожиданностью. Петр рванулся к двери первым. Тут в коридоре лежали мешки со старыми вещами, с тем, что когда-то носила бабушка. Стопка старых детективов, перевязанная веревкой, которые мне и раньше всегда хотелось выбросить, тоже приютилась у выхода, печально покосившись от удара Петькиного ботинка. Я медленно ковыляла в коридор, когда увидела в раскрытую дверь его, моего Димку. Светлые волосы чуть волнились, пеплом спускаясь на глаза, голубизну которых не мог заглушить темный коридор. Он какой-то другой, – подумалось мне, но мысль потерялась, все еще не хотелось сосредотачиваться на анализе и разглядывании того, что существовало в реале, в сегодняшнем дне, в том моменте, который выхватил меня так внезапно.

– Митька! – воскликнула я.

«Хирург» отступил, давая парню войти.

– А Митька у нас кто? – пробормотал он. – Я что-то не помню в списке посещавших никаких Митек.

Я даже рассмеялась, настолько мне показалось это незначительным и мелочным. Смущенно провела рукой по своим волосам, едва-едва начавшим напоминать о себе короткими всходами.

– А где бабушка? – меня поразил его первый вопрос, и молния параллели горестно саднула память. Бабушка и я – мы обе были брошенными и забытыми трупами, о которых никто не вспомнил в течение трех лет.

– Я слышала голос Насти у тебя дома. Это что? – сама не пойму, как задала этот вопрос. Но не смогла не спросить его первым. Не важно, что не приходил, но что делает Настя у него дома?

– Бабуля тут своим трупом всю квартиру провоняла, детка. Вы тут, видать, совсем отморозки, на людей плюете, как на асфальт. Хоть бы изредка апельсины носили, хоть бы шкурки от них, или зернышки. Может вони было бы меньше, – Пётр вертелся вокруг.

Митька посмотрел на меня исподлобья. Нервно потерев кончик носа. На пальце кольца не было. Хотя отметила я это механически.

Предчувствие чего-то ужасного и необратимого почему-то сжало мне сердце. Накануне я бросила трубку, когда поняла, что моя лучшая подруга отвечает на звонки у Митьки дома. Но я не стала даже думать об этом, просто сразу прекратила думать вообще. Мозг не хотел. И вот теперь Митя молча теребил свой нос.

– Мы с Настей поженились, понимаешь. Мы ходили к тебе в больницу, она сказала, что любит меня.

– Хороший предлог, – прокомментировал «хирург». – А чего же перестали в больницу ходить? Иль она любить перестала?

– У нас сын – Игорек.

Наверное я побледнела, потому что Димка сделал шаг ко мне и обнял. Трость моя упала, но я забыла обо всем, почувствовав его руки. Его глаза испуганно заглядывали прямо внутрь меня. Губы, такие мягкие, нежные, жадные, что-то продолжающие шептать, они были рядом, вот они, и я прижалась к ним. Прижалась и проникла в них как в источник своей жизни, чтобы хлебнуть немного счастья и воздуха, глотнуть жизни, вернуть ее, утонуть в ней.

И только теперь до меня дошло то, что сказал Митя. Я поняла наконец смысл его слов и значение того, что домашний телефон озвучивал голос моей подруги.

Поцелуй рассказал мне все. Это был чужой поцелуй. Это были чужие губы, чужой язык. Все изменилось. Все было по-другому, все было не так. Это был не мой Дмитрий. Мой Дмитрий никогда так не целовался. Это был какой-то торопыга, который каждым движением своего языка старался отделаться от меня, а не отдаться мне. Все эти механистические упражнения

даже близко не напоминали те упоительные, балдежные и томительные мгновения, которые я провела, целуясь с тем Дмитрием, моим. Куда же он делся?

- Ты с ней целовался?
- С кем? – оторвался от меня он.
- С кем, с Настей.
- Во дает, – «хирург» не отрываясь смотрел мое шоу.
- Мы поженились.
- Ты что, с ней целовался?
- У нас сын, полтора года.

Теперь до меня дошло и это. Чужой, и не только чужой, но и чья-то собственность. Не только не мой, но и несвободный. Слова, повисшие в моем сознании ничего не значащими абстракциями, не имеющими никакого реального смысла, приобрели осязательную важность и конкретность.

– У него уже внуки ползают, пока ты копыта собирала свои по сусекам, – Петька буйствовал. – Очнись, девка.

– Ты с ней целовался... – снова повторила я, но уже тихо, без вопросительного знака, я сказала это, как приговор, как приговор самой себе. – Ты с ней целовался, – еще раз повторила я, как преступник, который все еще не верит зачитанному судьей вердикту, не верит, что решение вынесено, и ничего изменить нельзя.

– Но ведь три года прошло.

– Что? – моя трость валялась у меня под ногами, проблематично было поднять ее. Почему мне так захотелось поднять ее? Митя все еще обнимал меня.

– Три года прошло.

– Откуда я знаю, сколько и чего тут прошло! – я пыталась отстраниться от него, уперлась руками ему в грудь, но он все не отпускал меня. Я начала дрожать. Его живот прикоснулся к моему животу. Все плыло у меня перед глазами. Желание волнами поднималось и мягким теплом струилось по спинному мозгу. Внизу все переворачивалось, пульсировало. Я не могла справиться с силой ощущений, не могла даже противиться им, не могла набросить петлю контроля на вновь захлестывающую меня с головой волну страсти. Веки тяжелели, глаза закрывались, колени подгибались. – А у меня? – заплетающимся языком проговорила я.

– Что у тебя? – Митя чувствовал, что я висну на его руках, и все сильнее и сильнее прижимал меня к себе. Похоже, что он тоже перестал соображать, потому что стал медленно целовать меня в шею, в плечи, в щеки, все, что было доступно, открыто, или прикрыто моей майкой. Он провел рукой по моему ежику волос и улыбнулся.

– Ежик мой, – прошептал он мне на ухо, заодно дотронувшись губами до мочки. – Я люблю тебя, ежик, – и он опять дотронулся до моих губ. Теперь его поцелуй был более медленным и осторожным. Он делал это так, как будто никогда не делал этого раньше. Как будто перед ним была новая женщина.

Это вернуло мне сознание. Чужой. Время. Три года, – стукнуло у меня в мозг. Он прожил тут жизнь, а я все еще та, идущая к нему на свидание, ждущая его и высматривающая его машину в темноте ночного шоссе. Я все еще та, которая собирается за него замуж, а он уже три года женат и растит сына. Но дело не в этом, не в том, что он чужой, а в том, что он не любит. Я совсем запуталась в своих внутренних монологах. С головой явно что-то происходило. Она не хотела ни думать, ни вспоминать, ни принимать действительность, ни понимать ее.

Он предал меня! Вот! Я нашла нужное слово. Он предал меня. Теперь он предаст свою жену и сына, потом снова предаст меня. Кто предал раз, будет предавать постоянно. Коматозные мозги решили остановиться на этом варианте.

– У меня тоже три года прошло? – решительно я отстранила его и прислонилась к стене, ткнула трость кончиком ботинка.

Петр поднял мне ее.

– Я должен был ждать? Да?

– Ты должен был любить.

– Да ты-то не жила эти три года. Для тебя время остановилось. Ты лежала без сознания, ты не прожила, не прочувствовала, ты – девчонка, что ты поминаешь во взрослой жизни!

– Не кричи! – «хирург» и не думал оставить нас одних. Эта мысль сначала не возникла у меня в голове, нашей встрече с Митькой ничто не могло помешать. А теперь это было ни к чему.

– Я понимаю в любви! Понимаешь ты? Я понимаю в любви! – кричать у меня не получалось. Слезы комом стояли в горле.

– В какой? Детской? Взрослую жизнь пойми!

– Время относительно, это точно! Ты теперь моложе этого чувака на три года!

– Зачем? Если в ней нет любви, что там понимать, в твоей взрослой жизни? Что не приходить к любимой три года – нормально? Что труп лежит в квартире, в центре огромного дома, и никто даже не вспомнил о человеке – это нормально? – все стало путаться, но мне было все равно, как выглядит то, что я говорю, умно это, или глупо, важно, или нет. Я себя ассоциировала с бабушкой, а бабушку с собой. – Соседи, которые даже не заметили нашего отсутствия, да что ты сам понимаешь в жизни? Что ты спарился с моей подружкой и думаешь, что стал взрослым? Ребенка родил! Да ты даже не знаешь, что я ждала тебя тогда беременной! И где мой теперь ребенок, где твой теперь ребенок, да что теперь говорить, уходи... Иди, займись своей взрослой жизнью и взрослой любовью. А мне и та моя, детская нравилась. Нравится, – поправила я.

– Да что ты понимаешь в любви?

– То, что предательство и любовь – несовместимы.

– Послушай, вот ты вернулась, давай не будем усложнять. Я тоже думал, что забыл, но все вернулось, я никуда не уйду от тебя. Я не хочу отсюда уходить. Все же хорошо. Ты жива, и я рядом. И мы больше не расстанемся никогда.

– А ты разве со мной?

– Прекрати же ты. Вернись в реал!

– В какой? Я вернулась, только тебя нет.

– Ну еще бы! Спящая красавица ищет прошлый век!

– К чему ты мне это говоришь? Я много пропустила. Я не виновата, что все так вышло. Ты что хочешь, чтобы я оправдывалась в том, что меня сбила машина? Я тебя ждала! Я ждала тебя там, где ты сказал! Я пришла к тебе на свидание, и... Может это ты меня сбил? Может уже тогда ты хотел поменять меня на Настьку. Машина ехала прямо на меня! Он нарочно, он специально ехал на меня. Это не было несчастным случаем!

– Да успокойся же ты! Никто тебя ни в чем не обвиняет!

Кровь бросилась мне в голову. Горечь, обида, ревность, любовь, – все смешалось в огненный коктейль ощущений и чувств.

– Я тебя обвиняю!!!! – выкрикнула я в полный голос. Я орала что было сил, орала как резанная. Может быть я хотела заглушить боль, но не могла. Было невозможно дифференцировать, разделить и понять, что генерирует эффект непереносимости переживаний – тело, едва меня слушающееся после трех лет смерти, или душа, враз потерявшее все, чем жила раньше. – Я обвиняю тебя!!!!!!

– В чем?

– В том, что я еще жива!

Дима взмахнул рукой. Петр озабоченно посмотрел на него.

– Что ты хочешь? – глухо прозвучал голос.

– Ничего, уже ничего! Уходи!

– Мы все поменяем. Я уйду, я буду с тобой. Теперь все будет хорошо! Ты не представляешь, как у нас все будет хорошо!

– Нас уже нет. Ты не мой.

– Разумеется твой.

– На сколько? На час? На день? На три года?

– Да пойми ты, врачи сказали, что ты безнадежна. Что я должен был делать?

– Ждать! Пока я дышала – ждать.

– Детский сад!

– Я похожа на твоего сына?

– Что?

– Он тоже тебя ждет.

– Да при чем здесь он?

– Тебе правильно врачи сказали, я – безнадежна.

– Что ты говоришь?

– То, что я не буду отнимать у ребенка отца. Ты уходи, уходи... Иди уже...

– У тебя крыша едет, – он сделал шаг ко мне и схватил меня за руку.

– Я буду кричать. Уходи.

Я медленно, прихрамывая, поплелась в большую комнату. Почему-то только тут я вспомнила бабушку и поняла... нет... не так... я физически почувствовала, что осталась одна.

– Да она вообще еще в себя не пришла. Ты иди правда, парень, ей еще лечиться надо. Долго.

Я слышала, как хлопнула дверь, но не оглянулась. Мой мир рухнул, а я не могла его удержать.

ГЛАВА 7

– Бог с вами, Алик Витальевич! Какой суд! Это я на вас в суд подам! Когда я очнулась в реанимации не было никого! Вообще никого! Или как называется у вас то отделение, где нет даже тапочек!

– Послушайте, я вызову необходимые органы, но больницу вы не покинете. Вы разбили дорогостоящую аппаратуру. Кто должен возмещать ущерб?

– А почему я? Да откуда у меня деньги? С чего вы взяли, что я могу оплатить вам эту вашу чертову, как вы говорите, медицинскую технику?!

Дна стояла в кабинете главного врача. Отец ждал ее у больницы, а она никак не могла вырваться из этого мистического заведения.

– Да хватит вам придуриваться. Нам все равно, сколько у вас денег! У нас лимит средств. Мы не частная клиника. И не можем себе позволить буйных пациентов. Если вы невменяемая, то, хорошо, я могу вас тоже направить в соответствующее учреждение.

– Да у вас что много отличий? Назовите два!

– Девушка, перестаньте хамить! Мы вас лечили, где чувство благодарности за спасенную жизнь?

– Так ваша долговая расписка – это физическое выражение благодарности?

– Это не долговая расписка, а акт, подтверждающий письменно, что вы будете выплачивать причиненный ущерб.

Дна подскочила к столу и схватила бумажку. Бегло глянула даже не прочитав, снова кинула ее на стол. Сделав вираж, она приземлилась на соседнем столе. Вернее, пристолилась.

– Алик Витальевич, я не могу без отца подписать.

– Вы совершеннолетняя, подписывайте.

– Пустите отца, я не подпишу без него ничего.

– Хорошо. Вот два экземпляра. Возьмите один и спуститесь к отцу.

Дна бежала по лестнице, в ужасе оглядываясь, не преследует ли ее главврач. Паранойя уже, подумала она и выскочила из главного входа.

Отец сидел в машине. Черный феррари выглядел в черной московской осени по меньшей мере нелепо.

– Ну наконец-то! Сколько можно ждать! – он повернул ключ в зажигании.

– Па, они не отпускают меня!

– Не мели чепухи, садись! – дверца поползла вверх.

– Па, ты что, все машины сюда привез?

– А на чем я должен был тут ездить?

– Короче, па, они не отпускают меня.

– Ну в чем дело? Ты что, опять за старое взялась? Сорвалась?

– Да нет, ты что, я все, я ничего, ну вообще ничего, ни дури, ни алкоголя, ничего!

Он вылез из машины и в недоумении уставился на дочь.

– Па, я им оборудование разбила. Случайно. Когда очнулась, там коматозная лежала рядом. Представляешь, па, 3 года в коме лежала, я ее в себя привела, а они мне счет выставили.

– Ну? – отец сдвинул брови.

– Вот. – Дна протянула ему акт. – Вот тут список аппаратуры и общая сумма ущерба.

– И что они хотят?

– Не выпускать меня отсюда. В психушку грозят, иль в камеру.

Он молча вытащил ручку и подписал.

– Давай быстрее, я тебя жду.

Дна взбежала по лестнице так быстро, как будто несколько дней назад она не валялась тут без сознания. Кабинет был пуст.

– Главврач отбыл в мир иной, – тихо проговорила Дна и подошла к столу.

Тут было полно бумаг, списки с пометками, таблицы и чертежи. Даже какие-то диаграммы.

Она взяла пачку бумаг и стала внимательно их читать. В этот момент в коридоре слышались шаги. Ни минуты не раздумывая, девушка засунула всё под свитер. Одной рукой прижала их поверх, в другую она взяла подписанный отцом акт.

– Ну что, милочка, что вы решили? Остаетесь и ждете милицию, или уходите и возвращаете нам утраченное. Пусть постепенно, но выплачивать придется.

– Вот, я все подписала, – Дна бросила на стол свой листок.

– Отлично, деточка, отлично, – Алик Витальевич потер руки. – Я всегда думал, что выживают разумные. Вот вам копия, чтобы вы знали, какие именно приборы вы испортили. Но лучше отдать деньгами.

Он протянул ей с другого стола второй экземпляр и только тут внимательно посмотрел на нее.

– А почему вы держитесь за живот? Что-то случилось?

– Да нет, что вы, Алик Витальевич, все отлично! До свиданья.

Ариадна вылетела из кабинета как кот, увидевший приближающуюся собаку.

– Днуха, куда так бежишь? – на лестнице ей попался Петя.

– «Хирург», звони, я убегаю.

– Что, выпотрошили тебя врачи?

– Ограбили, сволочи, но я еще вернусь!

– Ха-ха, думаешь, снова сюда попадешь?

– Сдурел что ль? Да я на тех подонков ментов натравлю. Отец приехал. Он им денег даст, и будет полный окей.

– Я думал, ты сама будешь на них охотиться. Лицензию на отстрел получишь, а что, почему не разрешают убивать бандитов? Сразу на месте.

– Потому что место найти не могут.

– Какое место?

– Ну то, на котором убивать надо. Лобное.

– Лобковое лучше, – хихикнул медбрат.

– Учись дальше, брат, возьму тебя личным телохранителем. Если выучишь название других мест.

– Это к вопросу о лобке? А чего ты за живот держишься? Болит?

– Сама не знаю. Может и нет. Все, пока, я тебе позже позвоню. Коматознице привет. Я вам позвоню.

Дна бросилась к выходу.

ГЛАВА 8

Александр нетерпеливо давил на звонок. Домофон он проскочил с соседкой. Настя открыла ему вся зареванная.

– Ты чего такая? – в глубине комнаты орал ребенок. – Ты хоть покорми его, чего он орет у тебя? А где Димка? Я у тебя переночую. В лом в Выхино тащиться.

– Сондра вернулась, – Настя уставилась на него расширенными, ничего не видящими глазами.

– Ну и чего ты такая? Лучше салатик мне забадай. Я столько дерьма там перелопатил. Все руки в мышином помете. Жрать охота.

Боксер деловито прошел на кухню.

– Вот помидорчиков, огурчиков самое то.

Он открыл кран и стал мыть сначала руки, потом овощи.

– Димка к ней пошел. К девке своей. Мальчик молодость вспомнил.

– Мальчик, или девочка, какая в жопу разница... говнорезочное кольцо у всех одинаково устроено, – он взял темного дерева доску и стал ловко кромсать огурцы. – Хотя тема концептуальная конечно.

Настя опустила на стул и всхлипнула.

– Да что ты в самом деле. Вернулась, не вернулась. Вы женаты, штамп в паспорте есть, ребенок вон бежит. Да уйми ты его, сколько можно слушать этот рев. Сейчас вернется твой Димка. Куда ему деться! Родители его вам квартиру уступили, – хитро подмигнул он сестре. – Вторую вряд ли дадут.

– Дядька им дачу свою подарил, – Настя всхлипнула.

– Кукурузник этот? В смысле чипсник... Ерунда. Вот и пусть они сами и морочатся. А то мне надоели эти дурацкие звонки из правления об оплате за электричество.

Сестра все еще сидела и плакала.

– Ну хватит. Да голимая эта твоя Сондра. Ты представь, что там после комы с ней. Что там с головой у нее после трехлетней комы. Жесть... Ну сама подумай. Ей уже не восстановиться. Вы три года живете. И хватит вставлять. Проехали. Поезд ушел. Похоже, Игорь заснул у тебя. Посмотри, сходи.

Голубой халатик послушно зашуршал в комнату.

– Прошлое не возвращается, – громко крикнул ей вслед Александр. – Вы уже срослись как ветки, – он рассмеялся, по-хозяйски открыл ящик стола и достал оливковое масло.

– Да не ори ты, он спит.

В дверь позвонили.

– Ну вот видишь, и муж пожаловал. А ты говорила.

Шелковый халатик блеснул в глубине коридора. Быстро щелкнул замок.

На пороге появился Максим.

– Это ты, – разочарованно бросила Настя.

– Послушай, Насть, привет, Саш, – кивнул он орудующему на кухне боксеру. – Дай мне на компе немного поработать. У меня жесткий диск на старом полетел. А новый вирус схватил.

– А что там у тебя? – выглянул в коридор Александр.

– Да, бляха-муха, какая-то сволочь атаковала мой комп.

– А Касперский что ж?

– А он пишет такую хрень – Сетевая атака Intrusion.Win.LSASS/exploit с адреса 10.21.202.111 успешно отражена, да видать ни хера ее так и не отразил...

– Это тебе червя прислали...

– Очень похоже, что кто-то из сети, к которой я подключен. А ты чего такая? – Максим заметил красные глаза Насти.

– Да мы тут салатик режем. Три помидора, два огурца, и явно до хера майонеза...

Настя отвернулась.

– Что с ней?

– Понимаешь, друг, мы обсуждали разницу между мальчиком и девочкой, – Александр уселся на табуретку. – Садись, салат будешь?

– Софистика все это.

– Вот ты, коллега, я думаю, ты бы не стал сношаться с мужчиной, несмотря на софистику?

– Хуле сношаться-то, – здесь вопрос чисто биологический – устройство сфинктера и у самцов, и у самок хомо сапиенс совершенно одинаковое...

Девушка вошла в кухню с пучком укропа.

– Сбегала на огород? Шустро, – брат взял укроп и ловко стал крошить его на доске. – Плагиат, Максик, своей концепции не родилось?

– Да на фик концепция? Это вопрос не теоретической биологии, а практической... Разницы никакой...

– Уверяю вас, коллега, разница все же есть. Почему-то подумал о старине Альберте.

– Про Эйнштейна?

Настя разложила салат по тарелкам, поставила их на стол. Она молча смотрела в окно, туда, где под окном стояла машина Дмитрия. Он не загнал ее в гараж. Значит сам Дмитрий был все еще у Сондры.

– Что? Димки нет, отсутствует. Хватит тебе. Садись, поешь.

Александр с удовольствием положил ложку салата в рот, откусив огромный ломоть черного хлеба.

Новый звонок в дверь заставил всех снова вздрогнуть. Настя рывком кинулась открывать дверь, на ходу уронив ножик и свою тарелку с салатом.

– Спокойнее, так нельзя.

– Митьке трупные мышки не нужны? – хохоток мог принадлежать только Кириллу. В белых штанах, несмотря на позднюю осень, он без всяких церемоний ввалился в кухню.

– Я смотрю, вся компания в сборе! – не спрашивая, он уселся за стол и потянулся к чистой тарелке. – Вы как ждали меня. Голодный как волк. А Митька где?

Настя нахмурилась. Она молча, не произнося ни слова, стала собирать щеткой рассыпавшийся салат и осколки своей тарелки с пола.

– Макс, мы правильно поняли с Настькой, тебе не важно, кого трахать... мужчину, или женщину. Хорошо, ты нас убедил.

Максим встал.

– Что такое? Наши ряды жидеют?

– Русеют. Ладно я в другой раз зайду. Тяжело с тобой, Саш, как мы с тобой вместе проучились, до сих пор удивляюсь.

– А кому сейчас легко? Да ладно, меня тоже такой адрес червем награждал.

– Такой же адрес? Интересно... – Макс снова сел. – Он, сука, все время меняется. Разные айпишки у него все время.

– А ты его проверял? Я админам позвонил, они пробили адрес, написали уведомительное письмо и все, а то каждый день, я задолбался просто.

– Нет, не проверял. Но название червя одно и то же, хотя Касперский все время разные айпишники выдает.

– Макс, с червем Касперский нихера не сделает. Вирус заражает всех, – Кира уже уминал салатик за обе щеки. – А хлеб у вас есть? Колбаски бы нарезали, а то что, как коровы, трава одна. Кролики.

– Может тебе еще и водочки? А что за трупные мышки? – Александр повернулся к холодильнику и достал колбасу. Из морозилки показалась початая бутылка водки.

– Да я тут фирму одну обслуживал. Так они все обновили. У меня полный багажник трупных мышек. Возьми пяточек, а? Рука не поднимается выбрасывать. Вспоминая свое голодное детство.

– А твоя фирма как?

– Да нормально все будет... – хозяин мышей жевал. – Если некоторые не повтыкают палки себе же в колеса.

– Если некоторые не повтыкают палки себе же в колеса – это как? – подмигнул Александр.

– Да долбоебы потому что, извини за литературное высказывание, Настя.

– Не понял я чего-то...

– Ну когда деньги у дурака в руках, что он с ними делает?

– Ничего, – улыбнулся Александр.

– Вот, вот, а то и еще хуже – впиндюривает их куда попало.

– Так у вас уже и деньги есть?

– Я утомилась на вашем празднике жизни, – Настя подошла к холодильнику и толкнула брат в бок. – Я уже тоже хочу на работы ходить, чай там вкусный пить, ругаться с начальницей, сплетничать с подружками... ходить хавать салат в люди...

– погоди, – Максим протянул грязную тарелку девушке. – Кир, а как же с ним бороться?

– Эх, ребята. Все проще, чем кажется. Это одна из программек винды, которая ответственна за соединение по сети, да и вообще за работу эксплорера.

– А червь там селится.

– Это лечится апдейтом винды. Там вообще море всякой фиготы любит селиться.

Колбаса и водка исчезали без тостов и предисловий.

– Ага. А симптомы? Постоянная перезагрузка компа? Ээээ, – Макс щелкнул по кнопке зеленого чайника.

– Вообще, Макс, ты чем на занятиях занимался? Удивляюсь я тебе. Не, ну надо же разбираться, когда стоит остановиться. Короче, ребята, я вам мышек отсыпал, там в коридоре горка на полу. Спасибо за салат. Водка тоже ничего. А Митька где? У меня для него есть новая математическая модель – экспоненциальный триггер, регистрирует приращение входных переменных в соответствии с экспоненциальной зависимостью от времени.

– Как мне надоела ваша болтовня про плавающие запятые, упорядоченные пары и мантиксы! Хватит! От меня муж ушел, а вы тут жрете, как в ресторане.

Настя хотела встать, но брат удержал ее за плечо.

– Ты мне анекдот напомнила. Знаешь, про вежливую жену, которая делала мужу минет и брала его член в рот вилок.

Ребята рассмеялись, Настя дернула плечом.

– Да вы все такие воспитанные. Воспитание – что по-вашему? Вежливое равнодушие?

– А что ты хочешь? Чтобы мы все пошли и привязали Митьку наручниками к этой батарее?

– А что случилось-то? – Кирилл уставился на девушку.

– Настя, ты лучше посмотри, что я нашел в одном старом комод. Было спрятано под крышкой.

– А сам комод где?

– Рассыпался, как мумия Тутанхамона.

Александр вышел в коридор. Там на полке перед зеркалом он бросил свою сумку.

– Смотри, – листок скользнул по столу и упал к Насте на колени.

Женщина даже не взглянула. Она переложила бумагу на подоконник и встала. Собрав все тарелки, подошла к раковине.

– Да хватит тебе переживать. Никуда он не денется. Некуда просто, – Александр взял лист с окна.

– Не скажи, – протянул Макс. – В таких вещах последнего слова не бывает.

– Кто будет кофе со мной? – голубой шелк снова разошелся в разные стороны, – она крутанулась на каблучке голубого шлепанца. Пушистая оторочка халата и тапочек ожила и зашевелилась.

– Кофеем побаловаться, это можно, хотя лучше водки, – бумага снова оказалась в руках боксера.

– Да водка вещь, а что еще есть?

– Хватит о спирте... мне и так плохо, – Кирилл подхватил свою чашку с кофе. – Вчера с ребятами посидели. Начали с саке, потом джин-тоник давно в холодильнике валялся, а потом водка, дальше не помню...

– Ну ладно покажи, что там у тебя.

Макс взял полотенце со спинки стула и старательно и аккуратно протер стол. Чувствовалась занудная тщательность компьютерщика.

Желтый кусок занял свое место на столе. Максим с интересом притянул его к себе.

– И ты говоришь, что нашел это в старом комод?

– Да, спрятанным под столешницей.

– А комоду сколько?

– Откуда я знаю. Насть, а чей комод этот был?

В глубине квартиры снова заплакал ребенок. Настя вышла из кухни.

Максим вертел листок, рассматривая с разных сторон.

– Буквы вроде русские, но понять ничего нельзя. Что-то древнее. Старорусский текст. Послушай, а ведь это карта клада, не иначе. Сам будешь этим заниматься, или мне отдашь?

– Вот! Вам только в игрушки играть! Чем отличаются ваши компы от карты древних сокровищ? Давайте! Поговорите теперь о поисках золота партии, масонах, евреях. Играть, так играть! – женщина крикнула это из комнаты. – Вирт один!

– Да ладно тебе, сестренка, какие масоны. История их подворачивается под ноль. История... Не всем же деньги считать. Кто – то должен и логарифмы подсчитывать.

– Послушай, я серьезно спрашиваю. У нас тут клуб есть кладоискателей. Я даже ходил с металлоискателем. Могу помочь. Железяки поискать.

– Прежде чем ходить с металлоискателем, нужно знать, где ходить. Карту расшифровать надо, – Кирилл тоже отодвинул свой кофе. – Тут черти что накручено.

– Да, без специалиста нам тут не расколбасить. А что, ребята, найдем мы клад, что делать будем?

– Как романтично! При чем здесь логарифмы! Хоть бы раз посмотрели реальности прямо в глаза!

– А мужчины вообще очень стеснительны, – хихикнул Кирилл. – Застенчивы по своей природе. Например когда они ссут на улице, они всегда отворачиваются к стене.

– Они? А себя к ним ты не относишь?

– Ладно пойду спать.

– Сестренка, тебе не в налоговой, тебе надо киллером подрядиться. А то – «салатики на людях»... А так сразу и удовольствие, и деньги, и развлечение... Три в одном! – брат рассмеялся, сестра фыркнула на него. – Ты сидишь с ребенком, и сиди себе. Вернешься в налоговую – тоже хорошо. Работа не пыльная, сиди себе, гайки закручивай. Так дай и другим просто спокойно пожить. Иль надо обязательно гнобить человека чем-то?

– Я вот смотрю на наших, почти все после свадьбы разошлись... может ну его на фик жениться... а?

– Да... не в свадьбе дело... Когда пары сталкиваются с проблемами... думают, что штамп в паспорте спасет...

– Согласен...

– Идиот! А ты бы хотел, чтобы я слесарем пошла?

– Да какой из тебя слесарь... маляр ты, потолки будешь красить, – ребята дружно рассмеялись.

– Хватит уже истерить, а? Ты здесь прописана. Квартира считай твоя. И Дмитрий придет.

– Ты что не видишь, он остался у нее.

– Со злой бабкой? Ты что забыла какая у нее бабка? С такой мегерой даже Ромео не смог бы. А и остался. С кем не бывает.

Настя всхлипнула и вышла из кухни.

– Я вот заметил, – Макс встал и потянулся к холодильнику. – Что мне теперь Ольга и минет реже стала делать... а что будет после свадьбы? Вот и думай...

– Это в порядке вещей... секс становится обыденностью... Зато нашел свою половинку.

– Ага, моя половинка... я это чувствую... половинка жопы. В попу до сих пор не дает. Я как-то в душе случайно промазал... **ли, пьяный был, так в ее очко заехал. Теперь у нее комплекс, она боится...

– Мда уж, изнасиловал ребенка... что уж теперь... терпи... блин... Может тебе мальчика взять? Мы как раз с этого начали.

– Какой ребенок, она старше меня...

Настя вернулась в кухню в длинном платье. Сиреневое шелковое кружево мало что закрывало, но лишь создавало таинственную притягивающую ауру полуобнаженного тела. Волосы, собранные в пучок на затылке, были заколоты длинной шпилькой, сверкающий кончик которой искрился над макушкой. Голые руки были в браслетах, на шее искрились побрякушки.

– Вась, а ты до меня за кем ухаживал? Да блин, в деревне за скотиной, – Александр рассмеялся и стал стягивать свой рваный свитер. – Новости с орбиты: только что пакистанский спутник пересек границу с Афганистаном. Дальше рабочие за***ались его тащить... – ему удалось стянуть с себя серую рванину, и он кинул им в сестру. – Ничего, что я голый?

– Настен, ты что думаешь, что Димка возбуждётся от нового платья?

– Думать вредно, – продолжал хохотать боксер. – Этот процесс портит кожу лица.

– А вдруг они думают не лицом?

– Чой-та волосом паленым пахнет, сестра, перестань думать.

– Алкаши.

– Я тут пролоббировал возможность распития водки каждый день, но только за ужином.

– Это и есть алкоголизм.

– Не, исключительно для снятия напряжения...

– Холмс, как вы думаете, почему страшное фиолетовое лицо, которое плавает по воздуху в нашей гостиной, корчит мне такие страшные рожи? – Я думаю, Ватсон, оно сердится, потому что это был МОЙ кокаин.

– Все, хватит, выметайтесь отсюда. Я пойду к Сондре и сама с ней поговорю.

– А ребенок? Ты с нами его оставишь?

– С собой возьму.

– Ну ладно, ладно, я-то не могу до Выхино доехать, сестричка. Но если ты решила развестись, то в любой момент родительская квартира ждет тебя... вместе со мной.

– Выметайтесь. Ничего не можете, ни заработать, ни... – она не договорила и бросилась к окну.

– Кто много зарабатывает, тот много и пьет.

– У алкашей рамки сдвинуты. Если ты думаешь, что сотня штук в месяц это много, то ошибаешься.

– Больше.

– Да уж полгода назад зарабатывал тридцать, потом забухал, загулял и начал зарабатывать сто? Не смей меня, Макс, я очень хорошо знаю, откуда берутся деньги. Если ты не полез в нелегал, то подобную лапшу Расскажи своим блондинистым соскам.

– Во видал какие круги пошли? Сейчас наша Настя по сусекам своей черепной коробки что-нибудь умное наскребет.

– Выметайтесь, Дмитрий идет. Вы нам не нужны.

– Ребята, я знаю, где нам историка найти. Раз Митька вернулся, то там свободно.

– Ладно, Саш, завтра будем клад искать, завтра.

– Я тебе звякну.

– Да, Шурик, держи меня в курсе.

– Приключения Шурика и его команды.

– Дурак, это про Буратино...

– Не важно, Шурка – тоже Буратино...

– Я тебе сейчас по носу....

Все затолкались к выходу. Дверь за ними только закрылась, как щелкнул замок. На пороге в этот раз стоял Дмитрий. Он медлил. Шаг внутрь, он посмотрел в кухню, поморщился. На стол облокотился Александр. Под ногами валялись компьютерные мышки.

– Что, домой устал приходить? Или выгнали? Машину в гараж загони.

– Домой? А ты разве ждала? Сегодня что, новый год? Или ты корону забыла примерить? Ради чего парад? Брата встречаешь?

– Ты сам так решил! Я тебя в загс не тащила.

– Да сам, но теперь все изменилось.

– Так ты зачем пришел?

– Я ухожу.

– Для этого не возвращаются. Куда ты уходишь? К ней?

– Какое твое дело? Или ты ревнуешь?

– Так тебя бабка выгнала? Куда же вы теперь пойдете?

– Бабка ее умерла.

– Бедняжка!

– Не смей так говорить! Ты три года не вспоминала, что у тебя была подруга в больнице.

– Я не врубаюсь, ты это мне говоришь?

– Себе! Как такое могло произойти? Почему мы к ней не ходили?

– Зачем? Она умерла в тот момент, как оказалась под колесами. Что мы могли для нее сделать? Сам подумай. Там были врачи.

– Она не умерла. Она вернулась.

– Да ладно тебе, Дим, куда она вернулась! Ты сам отдаешь себе отчет в том, в каком состоянии ее мозг? Три года в коме. Говорят – процессы необратимы. Там уже провалы в памяти, провалы, короче, нет больше нашей Сондры.

– Нет, и нет, – вмешался брат.

– Она есть, она живая, я ее только что видел.

– Ну видел, посмотрел? Забудь. У тебя ребенок, жена.

– Но кто-то ее сбил? Кто хотел ее убить?

– Какое твое дело? Главное, что с тебя тогда сняли обвинение! Сам мог загреметь. Скажи спасибо, что тебе сестра алиби дала!

– Это неважно, никто меня и не подозревал. Я ее отнял у бандита.

– Да помню я эту историю. Ну догнал ты этого, ну и что? Все это было недоказуемо. Ты может сам уехал, чтобы скрыть наезд. И вообще, чего ты завелся. Это была случайность. Ну пьяный ехал, наехал, протрезвел, подхватил, хотел отвезти в лес. Да сплошь и рядом такое происходит.

– Она мне сейчас сказала, что он ехал прямо на нее. Ничего случайного. Он ехал направленно.

– Ехал, не ехал, какая теперь разница? Она уже не человек. Это даже непосвященному ясно.

– Что ж, и теперь ее бросить? В больнице бросили, и теперь?

– Что же ты ушел оттуда? Или приняли плохо? Иль слюни пиджак залили, и ты мне его стирать принес вместе с детскими ползунками?! – Настя теряла самообладание. Она сложила руки на груди, браслеты звякнули друг о друга. – Иди, карауль теперь ее. Горшок ей выноси, попу подтирай. А за сыном пусть дура нелюбимая и брошенная смотрит и кормит.

– А что, одна в пустой квартире, самое то. Для постижения смысла жизни.

– Я не успокоюсь, пока не найду, кто это сделал!

– Ну я ее убила. Я! Дальше что? Ты что, убьешь меня теперь? Если я любила тебя до смерти, все что хочешь готова была сделать ради тебя. Только не уходи.

– Да куда он уйдет? К сумасшедшей?

– Может, хватит? Я сам решу, что мне делать.

– А мы с Игорем уже не в счет?

– Не болтай ерунды.

– А чего пришел-то тогда? Ты чего у нее не остался-то? Может Сонька не пустила тебя, потому что ты женат на мне? Так какие проблемы! Я не уйду! И даже не мечтайте. Я была на ее месте. Пусть она теперь попробует отбить тебя у меня. Я не отдам тебя!

– Да ты совсем чокнулась.

– Кто из нас чокнулся? Если ты любил ее, почему же спишь со мной? Если ты любишь меня, то какого черта бегаешь к больной девке? Что тебе у нее медом намазали? А может мне аренду за тебя брать?

– Я все сказал.

– Что ты сказал? Что ты что?! Я ничего не поняла. Повтори для меня.

– Твои проблемы.

– Мои, разумеется, мои. Сама выбирала, не ты, сама рожала, не ты, сама любила, не ты.

– Ну хватит уже базарить, а, Насть, слушать вас стыдно, – Александр встал. – Я у вас переночую. Ехать уже не смогу.

– Да, я тоже виноват. Но я думал, что... я поверил врачам, что безнадежно ждать.

– Не ждать безнадежно, а ты безнадежен. Мальчик. А я-то дура, думала, что раз ты мой, значит мой. И Сонька дура, думала, раз любишь, не женишься на другой.

– Не об этом сейчас речь. Я хочу узнать, кто ее сбил.

– Я! Я ее сбила. Дальше что?

– Дура, успокойся, потом поговорим.

Дмитрий развернулся, взял куртку и хлопнул дверью. Настя рванулась за ним вслед, но брат схватил ее за руку. Она метнулась к окну.

– Уехал. На машине.

– Ну раз уехал, значит не к ней.

ГЛАВА 9

Силы ушли. Они ушли сразу же, как за Дмитрием закрылась дверь.

– Может поешь все же?

Отвечать я тоже не могла. Я вошла в свою комнату и легла на диван. Не хочу сказать, что все, чем я жила все это время перестало существовать. Нет. Какое время! Какая жизнь! Я же не жила три года. Меня не было. Просто не было. Кто-то жил, любил, целовался, а меня не было. И сейчас нет. Сказать – горе, – это ничего не сказать. Нет, не горе. Просто все ушло. В одну минуту. Ушло и все. Не было сил даже плакать. Горечь захлестнула мои внутренности, как будто бы трехлетняя желчь, что копилась в печени все это время, теперь выплеснулась в организм и отравила его.

– Да что с тобой такое? Если ты не будешь есть и разговаривать, я вызову скорую.

Вот это да! Я еще дышала, а он обнимал другую. Предательство Настьки меня почему-то не так возмущало. Не она же меня любила. Ну подруга, да. Я запуталась. Да я и не пыталась выстроить какую-то логическую цепочку. Я не адвокат. И ничего не могла поделать с тем, что силы просто ушли. Я не хотела больше ни говорить, ни двигаться, ни смотреть, ни жить. Вот теперь бы умереть и больше не дышать, потому что каждый вздох приносил мне боль. Грудь как-то болезненно сдавило. Видимо слезы там были, но не могли вырваться наружу. Я закрыла глаза.

– Ну поспи, поспи. Ладно. Завтра разберемся.

Я услышала, как Петр вышел из комнаты. Мне было совершенно все равно, что он будет делать. Разум отступил. Да и был ли он? Все ушло, отхлынуло, только боль и воспоминания.

Светлые кудри Дмитрия. Первое свидание. Мы шли под дождем, зонтика нет. Капли держались в его волосах, не стекая и не делая их мокрыми. Я помню, что это было все, о чем я способна была тогда думать. Мне так хотелось дотронуться до его волос и понять, почему они не впитывают дождь, а держат эти капли, как новогодняя елка стеклянные шарики игрушек.

В первый раз у нас было у меня дома. Бабушка ушла, уехала на дачу. Дмитрий вошел, он только вошел в коридор и сразу же обнял меня. Но руки его недолго оставались на талии. Они медленно ползли вверх, чуть касаясь груди большими пальцами, и потом возвращались в исходную позицию. Снова и снова дотрагивался он до моих сосков, наконец я сама обняла его за талию. Его бедра прижались ко мне, и я почувствовала, как он меня хочет. Его ладони обхватили мою шею, его глаза оказались совсем близко, губы соприкоснулись, и все опрокинулось во мне. Хотелось уже только одного – большего. Я сама опустила руку и погладила его вспученные штаны. Он сильнее прижал меня. Боже, воспоминание было осязаемо. По ладоням, по запястьям, он скользнул вниз, под майку, руки легли на мою голую грудь. Он замер, ожидая моей реакции. Я не протестовала. Я хотела еще. Ноги сами раздвигались, внутри меня все звало и ожидало его. Джинсы он расстегнул сам и медленно стянул их вниз. Двинуться с места я не могла, – боялась, что исчезнет и пропадет это блаженство, опьяняющее и гасящее все остальные чувства и разум.

– Пойдем на диван, – шепнул он мне тоже тихо-тихо, так, как будто бы колебания воздуха могли рассеять волшебство момента.

Я подчинилась его властным рукам, перешагнув через оставленные в коридоре джинсы. Диван был разобран. Неубранная постель ждала нас белыми подушками и простынями. Ни на минуту не выпуская меня из рук, он положил меня и лег рядом. Я закрыла глаза, я ничего не хотела делать. Просто ловить кайф, который исходил от его прикосновений. А его руки уже не медлили и не ждали разрешений. Он стянул с меня трусики, его пальцы я почувствовала там, где и хотела – у себя между ног. Вдруг он исчез. Не было ни рук, ни губ, ни живота. Не открывая

глаз, я повернулась на бок и протянула руку. Совершенно голый он поймал меня за пальцы и вытянулся рядом. Горячие толчки я ощутила у себя в области таза и с силой прижалась к Мите. Он не удержался на краю дивана, и мы оказались на ковре, на полу. Это еще больше возбудило нас. Его руки судорожно гладили меня, – он уже не мог сдерживаться, мои ноги сами раздвинулись в сторону.

– Любимая моя, – шепнул он. – Скажи, если будет больно.

Его член скользнул по влагалищу и углубился туда, где уже все сжималось и ждало его. Первый спазм тут же заставил меня застонать. Митя оторвался от моих губ, но мои руки скользнули по его попе, и я сильно прижала его к себе. Он замер. Но лишь на минуту.

– Я чувствую. Ты кончаешь, да? – шепот его возбуждал больше прикосновений. Сильный импульс, сокращение мышц, наслаждение, прокатившееся по всему телу, толкнуло меня к обнаженному парню, лежащему на мне, в желании слиться с ним и больше никогда не отделяться. Косточка его таза уперлась мне в живот. И тут я почувствовала внутри пульсацию его челна, и теплая влага заполнила меня. Он тоже кончал. Я обхватила его ногами и услышала его стон.

Он закурил. Я заснула сразу же у него на плече, но ненадолго. Его поцелуй разбудил меня.

– Ты заснула как мужик, – улыбнулся Митька. В руке у него дымилась сигарета. Он обернулся, поискав, куда положить окурок. Я снова закрыла глаза, и его ласковые руки заскользили по моему телу, и все продолжилось, а вернее началось снова...

Неужели всего этого больше никогда не будет. Ни его рук, ни губ, ни прикосновений его живота...

Откуда все это возьмется, если его самого больше нет. Он, тот Митька, мой Митька, умер, умер для меня. Его нет, он чужой. Он целует другую, у него есть сын, он трогает другую женщину, он целует другую и забыл, как мы целовались. Почему я еще живу...

Постепенно я заснула. Красный рассвет разбудил меня. Серые тучи закрывали солнце. Настольная лампа, так и не выключенная «хирургом», потеряла свою актуальность и видимость. Не хотелось ни вставать, ни есть, ни жить. Петр появился в дверях.

– Вставай, или я сейчас вызову скорую. Не хочешь в больницу, в психушку поедешь.

Я молчала. Все это меня больше не касалось. Я осталась там, в прошлом, там, на автобусной остановке, я все еще ждала Митю, когда он придет, обнимет меня, мы сядем в машину и вместе поедem в кино. Может это я умерла, а не он? У него все путем, а я все еще стою на темном островке пространства, застряв между прошлым и будущем, не принадлежа ни одному из времен.

Звонок в дверь отвлек внимание медбрата.

– Привет. Сондра живая тут? Говорят, она вернулась.

– Да какое там. Как узнала, что мальчик ее женат, легла и лежит. Даже не разговаривает. Мне на дежурство сегодня, а я не знаю, как мне ее оставить. Вот ввязался в историю, уже и сам не рад. Ну хоть бы кто пришел, оживил ее!

– Я так и знал.

– А ты кто? Тоже ухажер? Женат?

– Да нет, тут видишь какая любовь. Куда уж мне. Я брат ее подруги. Да ты не волнуйся, она меня знает.

Он шагнул в комнату. Александр. Боль снова сжала горло. Я закрыла глаза.

Резкий рывок заставил меня вскрикнуть.

– Вставай! – великан схватил меня за плечи и начал трясти, как осеннюю сливу.

– Хэй, ты полегче, она же больная все же.

– Да какая она больная. Вставай! Я тебе лежать все равно не дам.

Он схватил меня на руки и поднял с дивана. Я встала.

– Ну вот, другое дело.

- Ну чего тебе? – губы еле-еле ворочались.
- Я не дам тебе лежать. Заруби это себе на носу. Вернулась, так вернулась. Живи давай.
- Я умерла. И не вернулась я. Я тут никому не нужна. Чего говорить. Я не хочу, – и вот тут потоком хлынули слезы.
- Ну поплакать можешь. Ладно.
- Уходи, я не хочу жить, и не хочу никого видеть, и знать.
- Сильную боль я снова ощутила в плечах. Он опять схватил меня. Хватка боксера.
- Вот что. Сядь. Нет, не садись, – он подхватил меня и поднял на руки. – Слышь, как тебя зовут-то? – обратился он к Петру.
- «Хирург».
- Отлично, в этом сарае кофе есть?
- Да какой кофе! Ей вряд ли можно!
- Не спорь. Ты хирург, а я анестезиолог.
- Он понес меня на кухню. С видимым удовольствием донес до стула.
- Значит так. Слушай и запоминай!
- Ловко орудуя с кастрюльками и пакетиками, поставил кофеварку на огонь. Достал маленькую чашечку и вымыл ее тщательно и чисто.
- Отпусти парня.
- Я отпустила.
- Нет, не так. Ты отпусти его из сердца. Расслабься. Начни с нуля.
- Я отпустила.
- Да что ты заладила все, отпустила, отпустила. Раз тебе так плохо, значит нет. Злобливая ты дура. Отпусти, тебе же легче будет.
- Я с интересом впервые посмотрела на великана внимательно. Лохмотья его серого свитера ниточками висели до колен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.